Н. В. Сотников

ИСТОРИЯ РЫБОЛОВСТВА

и
РЫБНОЙ
СЛОБОДЫ
в Галиче
с конца XVIII до
середины XX веков

ББК 63.3 (2P344) C.67

История рыболовства и Рыбной слободы в Галиче с конца XVIII до середины XX веков // Н.В.Сотников – Галич, 2002. - 154 с., илл.

г. Галич, 2002 г.

© Н.В.Сотников, 2002 г.

От автора

Идея написать эту работу возникла давно. Ещё учась в школе и слушая уроки В. В. Касторского, моего учителя, прекрасного краеведа, думал: есть небольшие книжки о Галиче, его истории, культуре, и совсем мало материалов о моей Рыбной слободе, стране моего детства, стране, откуда пошёл мой род.

Уже в детстве замечал, что в Рыбной говорят не так, как в городе, отмечают свои праздники, которых нет в городе, не так, как в городе, одеваются.

Всех рыбаков, особенно тех, кто в 1932 году стали колхозниками, я знал лично. С одними рядом жил, другие были родственниками, с третьими ловил рыбу мой отец. Я знал многих стариков, которые родились во второй половине XIX века и ещё до 50-х годов XX века ловили рыбу.

Из таких рыбаков особенно запомнились двое: Кузьма Владимирович Храмцов (дед Кузьма) и Павел Васильевич Сотников (дед Павел).

Дед Кузьма умер в 50-х годах прошлого века в возрасте более 100 лет. Я любил наблюдать за ним, когда он, уже старенький, лёгкий, как пушинка (а когда-то был богатырь – косая сажень в плечах), сидел у своего маленького домика на стволе толстой осины вместо лавочки и смотрел, как на что-то диковинное, когда мимо него проезжали первые в Галиче газогенераторные машины, из труб печей которых валил дым вперемешку с искрами; или смотрел из-под руки на пролетающие в небе аэропланы – в это время над Галичем стали летать «кукурузники». «Вот бы стариков всех поднять. Подивились бы!» – любил говаривать дед Кузьма.

Огуречник деда Павла был рядом с нашим. В летние тёплые дни дед Павел часто сидел на *лавах* своего мостика. Всегда долго-долго смотрел на озеро, на уходящие вглубь озера *сохи* с вывешенными на них неводами. В это время лицо его становилось каким-то особенно одухотворённым: большая белая борода, белые-белые волосы и блестящие как у молодого глаза. О чём думал он в это время? Наверное, о

том, как когда-то сам ловил рыбу, какие урожаи получал со своего огуречника, и как в худшую сторону изменилась жизнь его многочисленной семьи с организацией рыбколхоза.

Был он остроумен и острослов. И я сейчас сожалею, что не записал в то время его присказки и изречения. Умер дед Павел в 1964 году в возрасте более 90 лет.

Хорошо помню прокуренную самокрутками, пахнувшую лошадиной сбруей и рыбой «хомутовую», которая находилась на первом этаже правления колхоза. Здесь рыбаки шили невода, чинили стулики и крылёны, здесь же, как правило, в начале зимы у них проводилась политучёба. Помню, отец брал подмышку «Краткий курс истории ВКП(б)» и шёл в «хомутовую», не столько чтобы изучать этот курс, сколько поговорить с рыбаками «за жизнь». Каждый год, до самой смерти Сталина, изучали они курс истории ВКП(б) – только до коллективизации, до 1930 года. Дальше инструкторы райкома партии, проводившие эту vчёбv, решались проповедовать не «прелести» коллективизации рыбакам: слишком свежи были результаты этой коллективизации в Рыбной слободе, да и времени уже не было – начинался зимний лов. Отец закладывал бумажку на главе «Коллективизация» и убирал «Краткий курс истории ВКП(б)» на чердак до следующего года, чтобы потом начать всё с начала.

Рядом с моим домом до сих пор стоит дом братьев Григория Павловича и Николая Павловича Сотниковых. Оба до революции служили в военно-морском флоте. Григорий Павлович на «Авроре», а Николай Павлович на яхте царя Николая II. С флота один вернулся большевиком и принимал активное участие в организации рыбколхоза, другой категорически отказался от колхоза и до самой смерти держал перевоз через озеро до Вахнецов. До самой смерти братья стали друг другу врагами, хотя и продолжали жить в одном доме. Григорий Павлович умер в 1964 году, Николай Павлович – на десять лет раньше.

Мне приходилось принимать участие и в *«молении калачей»*, и в собирании дров на *«Масленку»*, ходить *«глетчим»* с рыбаками, и помогать сушить *вандыш* в *пешне*, перебирать в *«чащёвую»* рыбу на плоту, и ещё многоемногое, что составляло быт и жизнь Рыбной слободы.

Все мои наблюдения, дневники, фотографии стали звучать по-новому, когда я осмысливал их, долгое время живя далеко от своей родной Рыбной слободы. Как говорят — большое видится на расстоянии. Уже нет Рыбной слободы в том значении, в котором она просуществовала почти 500 лет. Из дореволюционного поколения остались единицы; чуть побольше рыбаков, родившихся до войны. С уходом этих людей уходит целая эпоха.

И вот, снова вернувшись на свою малую Родину, я сел за написание этой работы, чтобы ныне живущие поколения хоть что-то знали о славной истории Рыбной слободы.

Я благодарю всех моих информантов, сотрудников Галичского краеведческого музея и старшего научного сотрудника Костромского историко-архитектурного музеязаповедника «Ипатьевский монастырь» Л. И. Сизинцеву за помощь, оказанную мне при работе над этой книгой.

Н. Сотников.

К работе прилагается «Словарь слов и выражений, использовавшихся в Рыбной слободе». Слова из словаря в тексте выделены курсивом.

История рыболовства и Рыбной слободы в Галиче

Думал ли Великий князь Василий Иванович, поселяя тридцать семей своих подданных за оборонительными валами Старого городища, что образуется на этом месте Рыбная слобода со своими обычаями, культурой, языком, что всё это будет тесно переплетено с производственной деятельностью — ловом рыбы и просуществует эта Рыбная слобола почти 500 лет.

Кто были эти первые рыбаки? Были ли они жителями Галича или это были пришлые люди — история прямого ответа не даёт.

Вот текст грамоты, копию которой обнаружил и опубликовал в 1914 г. М. Виноградов [1].

<u> «7014</u>

<u>1505</u> г. марта 23.

Се яз Князь Великий Василий Иоанович Всея Руси.

Пожаловал есми своих рыболовей Галичских Нестерка Ильина, да Дему Тимохина, да Захара Ананьина, да Филимоника Федорова, да Палку Иванова, да Михале Деева, да Сенку Мелентьева, да Онцифорика Еванова, да Осифа Ананьина, да Федьку Дворникова, да Петрушку Лаврентьева, да Петрушку Гридина, да Василия Захарова, да Ивашку Давыдова, да Ваську Федорова, да Митьку Парфеньева, да Олексейка Власова, да Данилка Гаврилова, да Лавра Борисова, да Левона Феофанова, да Илью Гридина, да Исака Матфеева, да Тереха Матфеева, да Есипа Васильева, да Илью Окулова, да Демида Иванова, да Петрушку Симанова, да Гриди Леонтьева, да Сенку Гридина, да Оксене Мамукова, озером Галичским, да корытинами, что около того озера да рекою Вексою, да сокольи помчищи, оприче ловищ Григорьевых детей Морозова. А ловити им рыбу в том озере и в корытинах и в реке в Вексе и в сокольних помчищах лет от леду до леду. А что их ловля по рекам по подучим и по тем речкам ловять рыбу те же рыболове, по старым своим ловицам от леду до леду. А давати им с того озера и с реки с Вексы и с речек с падучих и с корытин и с сокольих помчищ за рыбную ловлю за летнюю з году, на год на мой дворец полтретьнадцать рублев; опроч подледныя ловли зимние. А дати тем рыболовем тоть оброк впервые, на крещение Христова лета семь тысяч пятаго надесять оприче тех рыболовей половити рыбы в озере и в реке в Вексе и в падучих речках лет никому. А кто учнеть оприче тех рыболовей рыбу ловити в озере и в реке в Вексе и в падучих речках и яз тем рыболовям, тех велел имати из заповеди, доставить пред своими наместники перед галичскими. До каво утяжуть. И наместники наши на том велят взяти себе рубль, а другой рубль рыболовем.

А дана грамота лета семь тысяч четвертаго надесять марта 23 день на подлинной на обороте написано: Князь Великий Василий Иванович всея Руси, приказал Дворецкой Петр Васильевич; на той же грамоте приложена печать на красном сургуче на шелку».

Времена эти были тяжёлые. Только что, год назад Галич был подвергнут нашествию казанских татар. Следующие опустошительные набеги были в 1532, в 1547, в 1549 и в 1557 годах. «И разоряли татары Галич до 10 раз» [4].

Готовясь в поход на Казань, Иван Грозный повелевает построить в Галиче третью оборонительную крепость. Крепость была построена к югу от Старого городища в рекордно короткий срок. Начали её строить в октябре, а уже в ноябре 1557 г. крепость была готова. Строилась она под руководством первого русского военного инженера Ивана Выродкова [5]. К этому времени относятся и первые упоминания о Рыбной слободе, как месте компактного проживания рыболовов. Об этом говорит самая древняя из сохранившихся переписей посадского населения города, проведённая в апреле 1578 года [6].

О существовании к этому времени Рыбной слободы говорит и жалованная Фёдором Ивановичем, сыном Ивана

Грозного, грамота, датированная мартом 1585 года, на лов рыбы [7].

Первоначально считалось, что первое упоминание о Рыбной слободе встречается в грамоте Михаила Фёдоровича в 1626 году [8].

По данным С. Сытина к началу XVII века «бросивших свои дома было больше, чем оставшихся в Галиче» [4].

Набеги казанских татар не щадили и Рыбную слободу, но она, как птица Феникс, вставала из пепла. Об этом говорит размер налогов, собираемых с рыбаков. Так в 1506 г., в год образования Рыбной слободы, 30 рыбаков должны были заплатить «полтретьнадцать рублёв, оприче подлёдныя ловли» в год [1]. В XVI веке это была большая сумма.

В 1585 г. налог составлял 9 руб. 27 алтын в год [9].

В разные годы рыбаки платили на Московский царев дворец оброку:

```
в 1613 г. – в 61 руб. 7 алтын 2 деньги;
```

Деньги немалые по тем временам.

Рыбный ряд в Галиче имел 27 лавок и 14 амбаров [8, 9], и это несмотря на то, что в 1608 г. Галич, а значит и Рыбная слобода, подверглись опустошительному набегу литовско-польских отрядов под командованием Лисовского.

Перенесёмся в начало XVI века. Тихо плещутся волны, набегая на песчаный берег, усыпанный большими валунами и мелкими камнями. В полноводном озере отражаются валы Старого городища, Столбище, маковки деревянных церквей мужского монастыря Василия Кесарийского, расположенного на берегу озера. Полоска берега между озером и расходящейся перспективой холмов полого понижается к Зачатьевскому девичьему монастырю,

в 1615 г. – в 101 руб. 30 алтын 5 денег;

в 1624 г. – в 154 руб. 14 алтын 1 деньга;

в 1728 г. – в 159 руб. 8 алтын 1 деньга [1].

расположенному чуть менее версты от монастыря Василия Кесарийского.

Избы рыбаков тянутся цепочкой вдоль берега, повторяя его изгиб от Старого городища почти до самого монастыря Василия Кесарийского.

Озеро было полноводным. Как указывает Д. Крылов [12], в это время отмечалось заметное ухудшение климата, стало прохладнее и дождливее, на реках были частые и сильные наводнения, очень холодные зимы сменялись жаркими, засушливыми летами.

Так кто же жил в этих избах?

С. Сытин в своей книге [4] даёт список фамилий и имён людей, живших в Галиче в начале XVII века. Это и сейчас распространённые фамилии в городе: Шипов, Готовцев, Мичурин, Макаров, Трунов. Но такие фамилии до XX века не были распространены в Рыбной слободе.

На посаде жили люди, носившие имена: Баженко, Богдашко, Вахрушка, Дружинка, Куфай. Видимо, из них и были первые рыбаки. Из их имён образовались фамилии, которые дошли до наших дней:

Богдашка – Богданов, Вахрушка – Вахрушев, Дружинка – Дружинин.

От самых первых рыбаков, что поселил на берегу Галичского озера великий князь Василий Иванович, остались и дожили до 60-х годов XX века фамилии Иванов и Ананьев. В 50-х годах XX века в Рыбной слободе были ещё на слуху прозвища Бажена и Куфай.

Набор рыболовных снастей в то время был невелик. Как утверждает Советский энциклопедический словарь [14], основным орудием лова у рыбаков были верши – рыболовные орудия типа ловушки в виде корзины конической формы со вставленной конической воронкой, которая называлась горлом. В наших местах верши иногда называли кучугами.

В качестве лодок строили ладожские соймы - парусно-гребные плоскодонные деревянные суда с отвесными бортами и заострёнными оконечностями, изготовляемые из наборных досок ели или сосны. Как утверждают Брокгауз и Ефрон, конструкция таких судов не изменялась со времён прихода варягов, и использовалась в северо-восточной Руси в XI–XVIII веках [15].Такое судно можно видеть на миниатюре XVII века, напечатанной в журнале «Губернский дом» [9].

С тех далёких времён до наших дней дошёл ещё один вид плавсредств — коротьни. Это выдолбленная из дерева лодка, но без бортов. Их и сейчас можно встретить в деревнях, чьи избы прилегают к водоёмам.

С появлением сеточного полотна, плетению которого научились рыбаки, громоздкие верши и кучуги превратились в лёгкие и практичные *верени* и *стулики*.

Вот как менялось название верши с XVI века по XX век по данным С.Г. Вальмуса и И.Ф. Правдина [13]:

Кучуга – вентерь – верша – веренька – вереня.

Наибольший улов такими снастями получали зимой, так как верши можно было поставить в любом месте озера и рек, в него впадающих. Ловили ими и весной, по большой воде, пришивая к большому наружному кольцу верени крылья для направления входа рыбы в вереню. Такая рыболовная снасть называлась крылёной.

На реках делали «заколы» и ловили рыбу «вандами», которые дожили до начала XX века.

Рыбная слобода в конце XVIII - начале XX веков

Посетивший в 1892 году Рыбную слободу епископ Костромской и Галичский Виссарион так высказался о месте возникновения Рыбной слободы в своих проповедях в Васильевской, Параскевской и Богоотцовской церквях: «По преданию слобода эта устроена при бывшем там раскольническом скиту безпоповщинского толка; то поселенцы слободы, хотя большею частью считаются православными, но очень по долгу не ходят на исповедь и еще дольше не приступают к св. причастию». Поэтому Владыка в своих речах в сих церквах убеждал прихожан быть в святой церкви Христовой и исполнять святый долг Христианский, — каждый год исповедоваться и причащаться св. тайн Христовых; показал, какого великого блага лишаются не исповедующиеся и не вкушающие пречистого тела и крови Христовой, и лишаются вечной жизни [38].

Наибольший расцвет Рыбная слобода получила в конце XVIII – начале XIX веков.

«Сами рыбаки считают себя потомками Уральских казаков, которые будто бы были присланы сюда при Екатерине Великой числом десяти семей и дали начало Рыбной слободе. Документальных данных, подтверждающих этот рассказ, никаких нет» [1].

Екатерина II переселила Уральских (Яицких) казаковстароверов в Рыбную слободу, видимо, в 1775 г.

Вот как пишет об этом времени А. Шевяков [11], посетивший Рыбную слободу в 1871 г.

«Старожилы говорят, что Рыбная слобода образовалась от заселения, по повелению Государыни Императрицы Екатерины II, семействами Уральских казаков, вытребованных для более рационального способа рыбной ловли в Галичском озере, где изобилие рыбы, вследствие большого количества впадающих рек и громадной растительности, почти не уменьшается. Это может объяснить (по рассказам) название озера, данным нашими предками —

Нерон, не от имени Римского правителя, а от слова не урон, т.е. не потеря в рыбе».

Эти строки были написаны в 1871 г. и опубликованы в журнале «Нива». Следовательно, старожилами были дети и внуки тех казаков-переселенцев.

Казаки-староверы научили галичских рыбаков ловить рыбу сетями, мерёжами и неводами, известными уральским казакам.

По другим сведениям, дошедшим до наших дней, Екатерина II сослала в Рыбную слободу казаков-староверов как участников Пугачёвского бунта после его разгрома. Их пристанищем стал Зачатьевский женский монастырь [3]. Такое объяснение появилось в советское время, поскольку ни М. Виноградов, ни А. Шевяков, ни С. Сытин в своей работе о Галиче [4], написанной в 1905 г., не упоминают о таком факте. В пользу того, что Екатерина II переселила в Рыбную слободу свободных, талантливых и предприимчивых людей, а не ссыльных, ограниченных в своих действиях казаковстароверов, говорят факты быстрого и динамичного развития Рыбной слоболы

Яицкие казаки — православные христиане. С введением реформ патриархом Никоном в 1653 г. они во время богослужения придерживались обрядов, соблюдаемых до нововведений в церковной практике. Как староверы, они стояли за демократический строй церкви, отрицающий священство, который позволял свершение таинств мирянами.

Все попытки мирских и церковных властей ввести в «божьих» храмах нововведения Никона в практику богослужений окончились безрезультатно. Внешние атрибуты старой веры — «борода и крест (двуперстие)» — стали основными обрядовыми признаками старой веры среди казаков.

П. Паллас – ученый и путещественник, посетивший Яик в 1769 г., заметил, что в церковь «казаки ходят редко, потому что они старообрядцы, по большей части молятся дома». Старания правительства ввести новые обряда в порядок богослужения в яицких церквях казаки восприняли как покушение на их «казачью

вольность», что вызвало среди них отказы от выполнения обязанностей по государевой службе. Так, в 1769 г. несколько сот яицких казаков отказались нести службу в Кизляре, объясняя отказ «несовместимостью с постоянной дислокацией Яицкого войска».

В 1770 г. казаки не выполнили приказа властей силой возвратить калмыков на Северный Кавказ, откуда они самовольно перекочевали в Среднюю Азию, не выдержав непосильных налогов, взимаемых царскими чиновниками. Калмыков вернули с помощью армейских частей, а 2000 яицких казаков за «ослушание» были подвергнуты телесным наказаниям и сосланы, 20 человек приговорены к каторге.

Правительство придавало раскольничьим делам политическое значение, рассматривая выступления раскольников как «хулу против царя и бога». Сенатор князь М.Щербатов, инспектировавший Яицкое войско после подавления восстания Пугачева, в котором войско участвовало «почти в полном составе», писал о казаках-старообрядцах: «Везде, где они могут показать свою ненависть против государя и российской церкви, не упускают случая. Свидетельствуют сему бывшие бунты... восстание 1772 г. на Яике, которого града казаки, быв сей ересью заражены, не почли себе преступным делом против законных властей вооружиться».

Упорство казаков в нежелании принимать новые порядки, вводимые властями, доходило до фанатизма. Истово отстаивая свои самобытные обычаи, казаки с презрением относились к боли, физическим страданиям и даже к смерти. Писатель В. Правдухин с реалистической отчетливостью передает картину наказания казаков, учиненного князем Волконским, за их нежелание обрядиться в армейские мундиры и встать в одну шеренгу с солдатами. Это драматическое событие, названное «Кочкин пир» отражено в следующем отрывке: «Их пороли на снегу за городом. Они сбрасывали с себя одежду и голые валились на мерзлую землю:

– Хоть умереть на груди родной земли в своем человечьем обличьи!

Казни, ссылки, шпицрутены вырывали из казачества его цвет и силу.

Казаков легче было уничтожить или *переселить*, как это не раз происходило в истории Яицкого войска, но перебороть силу «Соломонова меча», которым издревле были вооружены их предки, было невозможно» [37].

Так Екатерина II и поступила, переселив в Галич 10 семей Яицких казаков-староверов поповского толка.

В эту пору в Рыбной слободе стали сушить вандыш. Производству вандыша рыбновских жителей научили датчане. Артель из датских рыбаков Екатерина II поселила в Рыбной слободе одновременно с казаками-староверами.

Об этом впервые заговорил потомок тех казаков

Рис. 1. Лов рыбы *крылёнами* на Галичском озере. Начало XX века.

коренной галичанин, Виктор Васильевич Сотников¹, много поездивший по миру, много видевший. Неоднократно он бывал и в Прибалтийских, и в Скандинавских странах.

В. В. Сотников считал, что Екатерина II держала в Рыбной слободе артель из рыбаков датчан. Об этом времени он образно рассказал в своих стихах [16]:

«Царица в Галиче держала Из датских рыбаков артель, И здесь для них обосновала Святую церковь и купель. Текли года... Черты стирались, Смешалась кровь давным-давно, От датских рыбаков осталось Воспоминание одно. Но в Рыбной слободе рыбачки Для ароматных русских щей, В печах, по-прежнему, по-датски, Готовят вандыш из ершей».

Видимо и последняя царская грамота на лов рыбы в Галичском озере исходила от Екатерины II, которая давала в ней какие-то послабления в области налогообложения вновь прибывшим в Рыбную слободу казакам-староверам.

Вот как пишет В. Поссе в своих воспоминаниях о Рыбной слободе 1894 года. «От Екатерины II они (рыбаки), по преданию, получили грамоту на беспошлинный лов рыбы в озере. Рыбы было в то время масса, и рыбаки зажили припеваючи. Это старое, доброе время прошло безвозвратно. Грамота куда-то исчезла, озеро оказалось собственностью

¹ Виктор Васильевич Сотников (1922-2004) родился в Галиче в 1922 г. Заслуженный строитель Российской Федерации. Почётный гражданин города Мурманска. Был председателем исполкома городского Совета г. Мурманска. Ветеран Великой отечественной войны. Поэт.

Рис. 2. Лов рыбы вандой.

города, и тот берёт теперь с рыбаков ежегодно больше тысячи рублей аренды, рыбы же с каждым годом все меньше и меньше» [2].

«По собственной рыбацкой переписи в 1913 г. в Рыбной слободе проживало 1200 человек, 1055 из них кормятся исключительно рыбным промыслом» [1].

В Рыбной слободе появились родовые фамилии рыбаков: Сотниковых, Храмцовых, Соболевых, Ёлшиных, Булатовых, Карабановых, Палагиных, Скорняковых.

Общественная жизнь в Рыбной слободе в конце XIX начале XX веков

«То обстоятельство, что большинство жителей Рыбной слободы кормятся исключительно рыбным промыслом, казалось, должно было бы объединить их в тесную общину, способную защищать общественные интересы и вырабатывать, путём долголетнего опыта, способы и правила безвредного и богатого лова» [1].

Однако, глубокий консерватизм рыбаков не позволял им оперативно и быстро решать назревшие вопросы. Решение ряда важных вопросов отдавалось на откуп случайным людям.

Вот какую характеристику общественной жизни в Рыбной слободе дал М. Виноградов в 1914 году.

«Общественная жизнь очень слаба и движется только толчками извне. Для решения общих рыбацких дел, как в запрещении того или иного способа лова, установления времени лова, деление участков и т. п. собирается, по почину неопределённой группы, общее собрание. Оно бывает обычно немноголюдным и бестолковым: из 300 ловцов редко собирается более 50 и кто умеет говорить красиво, тот убедит всех. Решение принималось по голосам» [1].

300 человек рыбаков — это негласно выбранные представители от всех жителей Рыбной слободы, которые по меркам местных жителей были наиболее грамотными, рассудительными, честными. Уровень образования рыбновских жителей был очень низок, несмотря на то, что в Рыбной слободе с 1872 года функционировала школа. Мало кто из мальчиков проходил полный трёхлетний курс обучения; большинство уходило после второго года, чтобы помогать отцам в зимнем лове.

Поскольку читать и писать после школы им приходилось мало, то, что они и знали, быстро забывалось. На 1914 г. уровень неграмотных взрослых мужчин составлял четвертую часть всего населения. Отношение рыбаков к

образованию определялось как: «учиться хорошо, но нет средств и времени на это».

Поэтому в Рыбной слободе ценились люди, которые смогли получить образование, отбывая воинскую повинность, и возвращались в неё в чине какого-нибудь ефрейтора, каптенармуса или боцмана.

Вот как, например, вспоминает уже после Великой отечественной войны о Николае Фёдоровиче Скорнякове В.Нефедьев [10].

«Вижу как сейчас, соседа-сапожника дядю Колю Скорнякова, старого унтер-офицера, человека интеллигентного, не курившего и не пившего.

К таким людям за умение красиво и мудрёно говорить прочие обитатели слободы относились или с уважением, или с иронией, но на собраниях легко отступали перед их красивой речью» [1].

Для исполнения поручений собрания, для оповещения о дне собрания, сборе арендных денег и для других дел, рыбаки выбирали шесть старост, заведующих определёнными участками слободы. Для сношения с Городскою Управой, из 6-ти старост выбирали одного — доверенного. Старосты образуют Совет старост, который управляет слободой в период между собраниями. Доверенный был председателем Совета старост, заключал контракт с Городскою Управой на лов рыбы, распоряжался общественными деньгами, уплачивал аренду и т. д. Вот текст контракта, заключённого Городской Управой с рыбаками в 1905 г. Договор, заключённый на 6 лет, был пролонгирован без изменений до 1917 г.

«Тысяча девятьсот пятого года августа 31 дня, уполномоченный доверенностью, совершённою второго января сего тысяча девятьсот пятого года у Галичского нотариуса Ивана Аркадьевича Алекритского, от арендаторов рыбных ловель в Галичском озере и прочих городских водах мещан и рыбных ловцов города Галича, поименованных в доверенности в числе 115 человек,

Галичский мещанин Абрам Васильев Карабанов заключил, сей контракт, с Галичскою Городскою Управою в следующем:

- 1) Рыбная ловля в озере, принадлежащем г. Галичу со впадающим в него и истекающими из него по городской земле речками, ручейками и протоками, отданы в оброчное содержание с тысяча девятьсот пятого года по тысяча девятьсот одиннадцатый год доверителям его Карабанова по определению Галичской городской Думы 17 ноября минувшего 1904 года.
- 2) Пользование рыбными ловлями должно производиться с надлежащей бережливостью, без опустошения чрезмерным и несвоевременным ловом.
- 3) Оброчную сумму за ловлю в количестве одной тысячи двухсот рублей за каждый год арендаторы обязаны вносить в Городскую Управу по третям года за каждую вперёд, т. е. в январе, мае и сентябре месяцах, в противном случае подвергаются платежу пени, указанной в 1576 ст., Х т., ч. І т. е. по полу проценту за каждый, не заплаченный рубль в месяц до возмещения всей должной суммы.
- 4) В случае совершенного невзноса оброчной суммы за год и вообще неисполнения изложенных в настоящем договоре условий, городская Управа в праве содержание рыбных ловель передать другому более благонадёжному лицу, хотя бы и за меньшую цену, а все могущие произойти при этом убытки и недоборы для городской кассы пополняются настоящими арендаторами и имениями их.
- 5) Предоставляется арендаторам пользоваться растущими, собственно в городских водах, отдаваемых для рыбной ловли, травою и хвощом, а равно перегноем лывою, но другим каким-либо то ни было промыслом заниматься воспрещается.

- 6) Воспрещается также в зимнее время прорубание прорубей не только на дорогах, пролегающих по озеру, но и близь оных на расстоянии менее тридцати сажень, а равно прорытие канав по городской или владельческой земле от берегов озера до воды.
- 7) Воспрещается также ловля рыбы кипами, т.е. посредством пучков хвороста и ельника, опускаемых в озеро во время метания икры рыбою, а также и в остальное время года, а затем выбрасывание этих пучков на берега и вообще засорение прилегающих к озеру и прочим водам городских и владельческих пожен и прочих угодий, в противном случае виновные в причинении кому-либо убытков отвечают за таковые лично.
- 8) Предоставляется арендаторам, лиц замеченных ими в самовольной рыбной ловле в отведённых им в городских водах преследовать установленным в законе порядком, без всякого участия в этом Управы.
- 9) Не воспрещается им устраивать на городском берегу рыболовныя пристани, кроме тех мест, где устроены заводы, огуречники, пристани для перевоза судов с грузом и без оного, купальни, портомойни, плоты.
- 10) Прежде окончания срока арендаторы не могут отказаться от содержания рыбных ловель, кроме случая, если они пожелают передать таковые в содержание на сих же условиях другим лицам, но при этом должны испросить на это дозволение Управы.
- 11) В обеспечении исправной платы за содержание рыбных ловель и вообще точного исполнения всех условий, помещённых в этом договоре, арендаторы ответствуют перед Городскою Управою круговою друг за друга порукою как лично, так и

имуществом своим, впредь до окончания срока аренды. В случае смерти кого-либо из арендаторов, законные наследники их, принявшие наследство, обязываются вступить во все права и обязанности умерших по настоящему контракту, и не могут быть освобождены от платежа убытков и ущерба для городской кассы, если такие окажутся по вине арендаторов.

За свидетельствование сего контракта, а равно и издержки потребные для сего, арендаторы должны принять на свой счёт» [1].

Доверенный получал от Совета старост доверенность, в которой определялись его права. Вот некоторые пункты из доверенности, выданной в 1905 г. Абраму Васильевичу Карабанову для заключения контракта на лов рыбы с Городской Управой.

«...Если кто будет ловить рыбу в озере и его притоках кипами, или пучками хвороста, а в весеннее время ельником, во время метания рыбою икры и вообще, кто будет замечен в уборке травы до первого июля и в самовольной рыбной ловле, то предоставляем Вам право преследовать виновных установленным порядком. Если старшие лица в артели, получивши надел на свою артель, не будут своевременно собирать и вносить в Управу денег, то Вы можете лишить их надела и передать эти наделы другим лицам, а равно, если кто не будет исполнять наших рыбацких правил и порядков, или кто будет производить рыбную ловлю в зимнее время на больших тонях артелями не менее 26 человек, а во время лова щуки на малых тонях при артели в 13 человек, более одного череда, то лишить их права рыбы на один черед или взыскать с виновных установленный между ними штраф».

По этому документу видно, какой большой властью обладал «Доверенный». Он был у жителей и мировым судьёй, и он же держал общественную кассу в безотчётном распоряжении.

«Годовая арендная плата – 1200 р. Она раскладывались поровну между рыбаками так, чтобы собралась точно эта сумма, попросту каждый участник лова вносил своему старосте сразу или по частям в течение года 5 руб. Со всех 308 ловцов собиралось, следовательно, 1540 руб., из которых Городская Управа получала 1200 руб., немного уходило на расходы по гербовому сбору и пр., а все остальное доверенный тратил по собственному усмотрению, тем более что о ведении приходно-расходных книг рыбаки никогда не заботились. Немудрено, что при таких условиях доверенные старались, как можно дольше удержать свою должность» [1].

Так Абрам Васильевич Карабанов заведовал делами Рыбной слободы 28 лет, практически до самой революции.

«Целый ряд артельных общественных правил и обычаев соблюдался по возможности точно, даже если они иногда не выгодны для того или иного члена. Например, обычай, принятый во всех артелях: когда артель перед началом лова делит расходы на вино, то никто из её членов не может отказаться от возмещения своей доли расхода, даже если он и не пьёт вина. Или, из общих правил: никто не может начинать косить траву на озере до 1-го (14-го по новому стилю) июля. Нарушение грозит виновному тайной местью вроде того, что у него изрежут сети или изломают лодку. Но соблюдение правил гарантируется не только страхом наказания, но и ощущением того, что они важны, ибо установлены общиной» [1].

Взаимопомощь, сострадание были составной частью общественной жизни Рыбной слободы. Вот как вспоминает об одном эпизоде жизни в Рыбной слободе в 1895 г. В. Поссе:

- Трудно тебе теперь жить?
- Работаю помаленьку, дрова соседям пилю, колю, мережи плету; ничего, мир не забывает, неча Бога гневить, жить можно.
- Мир важное дело, заметила старуха, вон и этого парнишку кормит: он ведь сирота, ни отца, ни матери.

Рис. 3. Абрам Васильевич Карабанов (1856-1927 г.г.) Доверенный в Рыбной слободе с сыном Павлом, курсантом военно-морского Артиллерийского училища в г. Кронштадте. 1901 год.

Взял его мир: один день здесь кормится, другой там, ну и сыт, а потом и в люди выведут, впрок пойдёт» [2].

Признание важности общественных интересов, безусловно, существовало у рыбаков и сохранилось вплоть до 60-х годов XX века, пока были живы старики, их носители.

На общественных началах в Рыбной слободе функционировало рыбно-слободское пожарное отделение. Для него в начале XX века было построено специальное здание. Внутри здания, с его правой стороны, находился тёплый пожарный колодец. Пожарный колодец также находился и около здания — с левой стороны. На первом этаже здания располагался пожарный обоз, на втором — дежурная пожарная команда. Члены пожарной команды отбирались на добровольных началах. Лошади были частными и приходили на дежурство вместе со своими хозяевами. Быть членом пожарной команды было почётно.

На Рис. 4 показан выезд пожарной команды Рыбной слободы в 1918 г.

Рис. 4. Выезд пожарной команды Рыбной слободы. 1918 г.

Состояние общественного сознания жителей Рыбной слободы, как отмечает М. Виноградов, к 1914 г. «не дошло ещё до такой степени, чтобы они могли самостоятельно объединиться в общину, которая решала бы дела не только касающиеся промысла, но и всей жизни Слободы. Для этого не хватает ни общего развития рыбаков, ни энергичных и образованных деятелей в их среде.

Такая организация рыбацкого общества, а также розничная продажа рыбы и покупка всего необходимого на городском рынке, без сомнения, приносила рыбакам больше убытков, чем доходов» [1].

Бесконтрольное расходование общественных денег порождало всевозможные злоупотребления. Поэтому уже в начале XX века рыбаки начали задумываться о создании такой кооперации по сбыту и покупке, которая могла бы принести громадную пользу Рыбной слободе и её жителям. Эти планы были разрушены революцией 1917 г.

Дом и быт жителей Рыбной слободы

Дом всегда был оплотом семьи. Сама Жизнь — это дом. При делении семьи всегда строили новый дом. Иногда строили его совместно, например, два брата; при этом строили 1- или 2-х этажный дом, по этажу на брата. Такой дом построили, например, братья Павел и Николай Мурзины во второй половине XIX века на Нижней улице (ул. Набережная, д. 45). Сейчас этот дом переделан в одноэтажный. Или, например, построенный в это же время дом братьев Николая и Александра Скорняковых на Васильевской улице (ул. Свердлова, д. 43). Здесь два одноэтажных дома имеют общую торцевую стену. Их объединял хозяйственный единый двор, но входы в дом были разные. При этом хозяйственные работы братья могли вести совместно, а семейная жизнь у каждого была своя.

Существовала и такая конфигурация домов, когда построенный совместно братьями дом, как правило, в 5 или 6 окон «по лицу» разделяла капитальная продольная стена. Вход в каждую половину дома был свой. Хозяйственный двор у каждого брата тоже был свой, а вот баня строилась общая. Такой дом, например, был построен в конце XIX века на Зачатьевской улице (ул. Гладышева, д. 22) двоюродными братьями Храмцовыми, Михаилом Ивановичем и Иваном Матвеичем.

К концу XIX века Рыбная слобода протянулась на восток от города почти на 2 км. Её дома располагались тремя порядками вдоль береговой линии, образуя две улицы — Нижнюю и Верхнюю. Верхняя улица впоследствии разделилась на Васильевскую, Верхнюю и Зачатьевскую.

К началу XIX века Нижняя улица была застроена до Зачатьевского монастыря, а к концу XIX века почти вся Нижняя улица была застроена двухэтажными домами.

До наших дней дошли дома, насчитывающие 120-150 лет. К таким домам можно отнести и дом № 127 по ул. Набережной. Сохранилась купчая, составленная Галичским

нотариусом Иваном Аркадьевичем Алякритским, контора которого находилась на ул. Костромской, о покупке дома по Нижней улице Фёдором Васильевичем Сотниковым у Анастасии Александровны Сотниковой за 300 рублей. Купчая составлена 28 августа 1908 г. К моменту продажи дому было уже около 70 лет.

Дома в Рыбной слободе строились однотипно. Они были с двух или четырёхскатными крышами, одно- или двухэтажные. Если крыша была четырёхскатной, то её иногда украшали мезонином. Украшением дома и элементами отличия одного дома от другого были наличники. Застройка была рядовая, очень плотная из-за дороговизны земли. Дом, как правило, был пятистенок с прирубленными мощеными холодными сенями. Устанавливался дом на толстых, диаметром до 1 метра, деревянных или из красного кирпича местного производства столбах. Столбов, как правило, было 6: четыре по углам и два под средней стеной.

Котлованы под дома не рыли из-за близости грунтовых вод, поэтому воды под домом не было даже при высоких вешних водах в озере.

Нижние венцы выкладывались из брёвен 50-70 см в обхвате.

Пол на кухне делался из толстых (50-60 мм) досок. Под полом находился подпол (подполье). Дощатый пол на кухне позволял поддерживать плюсовую температуру в подполье в зимнее время. В подполье хранили картошку и другие овощи. Пол в горнице и потолки делали из наката стёсанных с одной стороны и плотно пригнанных друг к другу брёвен. Под горницей находился амбар. Вход в амбар делали со двора. В амбаре температура и зимой и летом была ниже, чем в подполье, поэтому здесь хранили рыбу, солёные огурцы, квашеную капусту.

Крыши домов крыли тёсом (обрезными досками) или «дранкой» (дощечками, наструганными из осиновых чурок $\approx 5x150x300\,$ мм). Такие крыши и сейчас можно увидеть в Рыбной слоболе.

Рис. 5. Жилые дома рыбаков в начале XX века.

Двор, прилегающий к дому, был как бы его продолжением. Часть двора, где находился хлев для скота, и хранились дрова, перекрывалась от снега и дождя. Отдельно строился рубленый сарай для лошадей, баня и *пешня*. Последние были не у всех рыбаков. Двор закрывался массивными тесовыми воротами и калиткой, закреплёнными на мощных *вереях*. Состоятельные рыбаки перекрывали двор полностью. Такой двор с конца XIX века сохранился на ул. Набережная, д. 119.

Первая половина дома, в которую попадали из холодных сеней, была кухня. Здесь стояла большая русская печь, с которой можно было попасть на полати. Вдоль стен стояли широкие деревянные лавки, на которых можно было даже спать. Около печи на стене висела многоярусная полкапосудник. Между стеной и печью хранили ухваты, кочерги и другую печную утварь. У некоторых жителей Рыбной слободы печная утварь хранилась под *шестком* печи в специальной нише.

Русская печь имела *печурки* — маленькие ниши, в которых сушили носки и варежки, а так же «душник» для вытяжной трубы самовара.

На кухне стоял крепко сбитый деревянный стол, за которым собиралась вся семья.

Для самых маленьких тут же на кухне устанавливалась люлька. Она подвешивалась на гибком шесте к потолку. Для этого к потолку прикреплялось специальное кольцо. Сама люлька, представляющая собой деревянный или плетёный из лозы ящик, привязывалась к шесту верёвками. При такой конструкции можно было одновременно качать люльку и делать другое дело, например, вязать *пятки*.

Зимой на кухне ставили маленькую временную печь из кирпича (наподобие «буржуйки»), которую соединяли с русской печью вытяжными металлическими трубамирукавами.

Стены кухни украшали вырезками из журналов, фотографиями. После революции 1917 г. были очень популярны всевозможные политические плакаты – резкие,

Рис. 6. Бытовая сценка из жизни Рыбной слободы. Начало XX века.

крикливые. Их почему-то любили жители Рыбной слободы, и плакаты можно было встретить в домах вплоть до 60-х годов XX века.

Из кухни можно было попасть в *горницу* – большую и светлую комнату, окна которой, как говорили в Рыбной слободе, «выходили на улицу».

Пол в горнице устилали половиками. Стол накрывался белой скатертью. Особо украшалась кровать хозяина дома, которую устанавливали в горнице так, чтобы, вставая, хозяин мог видеть образа. Вдоль кровати вешали кружевной *подзор*, торцы кровати украшали вышитые *задинки*, подушки накрывали красивыми *накидушками*. В начале XX века, как вспоминает М. Виноградов, можно было встретить широкую хозяйскую кровать под ситцевым пологом.

В горнице стояла горка с посудой, во многих домах стояла этажерка с книгами, стояли сундуки с одеждой, были и стулья. Сундук часто использовали, как спальное место. Сундуки часто имели музыкальные замки, издававшие мелодичный звон при открывании. В красный угол горницы ставили образа, украшали их вышитыми полотенцами; обязательно была лампада, которую зажигали по праздникам. Во многих семьях была швейная машина «Зингер», которая тоже ставилась в горнице. Окна украшали раздвижные занавески. На подоконниках всегда было много комнатных цветов. Традиция их разведения дожила до наших дней. Во многих домах вместо сундуков были комоды. На стенах висели часы и зеркала. В горницу старались заходить пореже, как говорили в Рыбной слободе, «чтобы не пачкать».

Для отопления *горницы* использовалась или русская печь, при этом она составляла часть стены между кухней и горницей, или ставили дополнительную печь-столбянку, которую украшали изразцами или устанавливали в металлический кожух, который потом красили.

Наиболее зажиточные рыбаки строили двухэтажный дом на одну семью, причём верх считался чистой половиной,

где принимали гостей по праздникам, тогда как внизу помещалась вся семья.

Как правило, стены в комнатах второго этажа украшали портреты Государя и Государыни, фотографии предков, лубочные картинки.

Главными чертами в характере жителей Рыбной слободы являлись миролюбие, гостеприимство и радушие. И А. Шевяков, и В. Поссе, и М. Виноградов в разное время отмечают их у местных жителей. В полной мере их можно было ещё наблюдать до конца 60-х годов XX века.

«Внутренний быт галичан более всего удерживается в жителях Рыбной слободы. Там глава семейной ассоциации, отец или старший брат, ставится выше прочих членов семьи. Его приказания, хотя бы и не имели важного значения, строго исполнялись. Он даёт советы и нравоучения, управляет своею семьёю и служит, так сказать, ответственным лицом перед обществом; по его желанию женятся прочие братья или выходят замуж сёстры; без его согласия ни один член семьи не решится даже на ничтожное предприятие. Ум большака считается непогрешимым авторитетом, ему отдают в семье все почести и даже удобства» [11].

Глава семьи назывался не иначе как батька или тятя.

«Женщина (жена) — хозяйка, хотя и находилась в подчинении у мужа, всё же пользуется от него большим уважением, потому что она обращает в деньги его работу, готовит ему все орудия лова, заведует хозяйством. Разделение труда между членами семьи ведётся исстари таким образом: жена вяжет сети, заготовляет и продаёт рыбу, следит за огородом и домашним хозяйством с помощью дочерей. Муж занят исключительно рыбной ловлей и только вечерами помогает при работе на огороде. Мальчики с раннего детства помогают отцу в меру своих сил» [1].

Некоторые изменения, в столетиями отработанный ход жизни, внёс принятый в начале XX века закон о запрете лова рыбы с 15 апреля по 15 июля. Многие мужчины, чтобы прокормить семью на это время, искали работу на стороне.

Такой домострой просуществовал в Рыбной слободе до начала Великой Отечественной войны. Хранителями его и продолжателями были старики, родившиеся во второй половине XIX века. Устои семьи стали быстро разрушаться после разгрома церквей, который прошёл в 1932-1937 годах на волне воинственного атеизма большевиков, а так же с организацией рыболовецкого колхоза.

Рыбновские семьи были многодетными, дружными, религиозными и чистоплотными. Чистота поддерживалась не только в доме, но и во дворе. Не менее чем два раза в год в доме мылись стены, потолки, *дресвой* натирались полы. После такой уборки в доме стоял пьянящий запах дерева. В каждом роду была своя баня, которая топилась «по белому», с каменкой и *полком* (кутьником), чтобы попариться с веничком.

С конца 50-х годов XX века внутренние стены и потолки в домах стали обивать фанерой, а впоследствии и древесноволокнистой плитой (ДВП), оклеивать обоями и красить красками. Дух дерева пропал.

В Рыбной слободе жили красивые люди.

«В Рыбной слободе более встречается девушек с овальными лицами, с красивыми каштановыми или белокурыми волосами, живыми большими глазами, напоминающими что-то южное или юго-восточное» [11].

Да это и немудрено. Сколько кровей перемешалось в Рыбной слободе! Ведь Яицкие (Уральские) казаки есть не что иное, как вольная казацкая община, образованная в XV – XVI веках из беглых крестьян центральных областей России и среднего Поволжья [14], плюс датские рыбаки, плюс местные жители. Произошло быстрое слияние староверских общин с православными. Консервативные семьи казаков-староверов стали кровно объединяться с православными местными жителями, католики-датчане стали православными. И сегодня ещё можно проследить кровное родство родов:

Сотниковых – Мурзиных – Храмцовых – Скорняковых;

Зуевых – Скорняковых – Дружининых;

Богдановых – Сотниковых – Храмцовых – Ёлшиных;

Сотниковых – Булатовых – Ёлшиных – Мурзиных;

Сотниковых – Карабановых – Коковинских;

Сотниковых - Ёлшиных – Зуевых – Булатовых.

«Женщины имеют на себе какой-то особый, местный, отпечаток красоты. У них сохранился до сих пор обычай в праздничные дни надевать костюмы своих прабабушек. Наряд чрезвычайно красивый и богатый.

Вот зимний уличный наряд девушки в 1864 г. Это самый небогатый и незатейливый костюм. Головной убор состоит из низанной жемчугом белой с цветными камнями повязки, называемой венцом. Она надевается так, что передний край её закрывает волосы. На лбу до самых бровей спускаются нити жемчуга, расположенными лежащими полукружиями, род гирлянды, называемой «поднизью». Средний фестон поднизи делается из самого крупного жемчуга и из длинной нитки, так что лежит на переносье; следующие за ним фестоны постепенно уменьшаются. Сверх этой повязки надевают цветной платок, шитый по углам и по середине золотом, а на сарафан, который делается из толстой штофной материи произвольного цвета и узора надевается полушубок или телогрейка. Сарафан внизу обшит золотой бахромой или полосами позумента, застёгнут поясом, и держится на проймах. Полушубок шьют очень короткий, из парчи или тканого золотом штофа, с рукавами; у не богатых на заячьем или лисьем меху, а у достаточных на куньем или собольем. Снаружи он оторачивается полосками какого-нибудь другого меха, более всего встречается соболь; спереди полушубок застёгивается на 3 или 4 пуговицы, делается гладким, обрисовывающим талию и корпус, а на спине к талии сборчатая, короткая юбочка. Это общепринятый наряд девушки в зимнее время.

Поклонная гора, при склоне к озеру на Архангельской дороге, как говорит предание, была священным местом для

мерячей. Здесь находилась кумирня, в которой приносилась мольба и жертвы идолу «Яриле». Христианская религия вытеснила идолопоклонничество, но потомки мерячей сохраняют по настоящее время воспоминание предания, и выражающего праздничным гулянием на Поклонной горе, где девушки и женщины в своих оригинальных костюмах, песнями, хороводами и играми вспоминают старое время в день Всех Святых (первое воскресение после Духова дня прим. авт.). Это гуляние бывает в продолжение трёх дней и оканчивается уже в другом месте, на берегу озера около Рыбной слободы, где по преданию стояла кумирня другого идола «Купалы». Здесь собираются жители гулять по берегу озера, кататься на лодках и, наконец, купать и обливать друг друга водою в воспоминание бога Купалы. Летом случалось видеть в праздничный день группы девушек и молодых женщин в их нарядах, где роскошь, разнообразие и кокетство костюмов восхитительно. Летний наряд девушек состоит из шёлкового (штучного) сарафана (местное название) тканого золотом и серебром крупными букетами; подол его отделывается золотой каёмкой в 0,5 дюйма ширины и золотой бахромой. Цвет сарафана, ткань, шитьё бывают самые разнообразные, что в группе движущихся фигур как, например, во время хороводов, чрезвычайно эффектно.

Сарафан стянут пришитым к нему поясом или крючком. Сверху на грудь надевали белую кисейную или тонкую полотняную рубашку с глухими рукавами; концы последних, около кисти рук, обшиты золотою бахромою. В таком случае рубашка называется «уборной с запястьями», она плотно облегает корпус от плеч до пояса. Шея и верхняя часть груди остаётся открытою прорезью. Поверх рубашки надевается небольшая, из золотой парчи или штофа, сборчатая юбочка; она подвязана к проймам и идёт к низу от 3 или 4 ребра до талии, покрывая пояс сарафана, и носит название «полушубка».

На открытую часть груди девушки и женщины надевают жемчуг; это украшение как бы заявляет о

материальных средствах семьи, к которой они принадлежат. Верхние нитки жемчуга (числом от 5 до 15) надеваются кольцом в один или несколько оборотов прямо на шею и состоят из крупного жемчуга. Во втором ряду идут несколько сплетённых полукружием ниток жемчуга, тоже довольно крупного; средние полукружие состоит из самых больших зёрен; этот второй ряд назван «плетушкою». Далее следует, связанный из средней величины жемчуга пересекающимися нитями, воротничок, надевается через голову, он лежит на плечах и на спине, называется «рефедь».

Сверх этих украшений носят ещё так называемый «гайтан». Он состоит из туго сплетённого мелкого жемчуга, изображающего ромбические фигуры с диагональными пересечениями; соединением вершин этих фигур (от 15 до 20) образуется длинная нитка, служащая украшением.

Гайтан предназначается для ношения креста, ладанки или ключа от заветного ларчика; он называется ещё «фонариком». Повязка и поднизь оставляют открытыми уши, в них вставляют низанные жемчугом серьги.

Головной убор девушки состоит из жемчужной повязки, называемой «венцом». Повязку надевают на самый лоб и у косы завязывают ленточками, шов этой связи зарывается большим бантом, буфы последнего располагаются рогообразно по бокам, а длинные концы распущены к низу. Спереди на лбу у венца приделаны несколько рядов жемчуга (поднизь), расположенными на глаза фестами, что характеризует старый (Востоком внесённый) обычай скрывать красоту волос и лба женщин.

Вообще жемчуг считается самым красивым убранством костюма галичанок и распространён довольно значительно даже между небогатыми семействами» [11].

Рис. 7. Праздничный наряд девушки Рыбной слободы в начале XX века

Рис. 8. Так одевались жители Рыбной слободы в 1913 году

На рис. 7 изображена коренная жительница Рыбной слободы Мария Михайловна Сотникова в праздничном наряде, который в таком виде дошёл до 20-х годов XX века.

На рис. 8 и 9 показано, как одевались жители Рыбной слободы в 1913 и в 1924 годах. По этим фотографиям можно так же судить о домострое в Рыбной слободе — даже при фотографировании главе семейства предоставлялся стул.

Рис. 9. Так одевались в 1924 г.

Религия в Рыбной слободе в конце XIX начале XX веков

В начале XVII века в Галиче монастырей было три с двумя отдельными храмами в каждом.

- «1). Зачатьевский девичий монастырь. На монастырь храма зачатия св. Анны с пределом Благовещения Пресвятые Богородицы. Другая церковь тёплая св. Богоотец Иоакима и Анны с пределом апостолов Петра и Павла.
- 2). Монастырь Василия Кесарийского (мужской). На монастырь церковь во имя Василия Кесарийского. Другая церковь тёплая во имя Введения Пресвятой Богородицы с приделом Усекновения главы Иоанна Предтечи.
- 3). Монастырь Николая чудотворца на Староторжье» [4].

Первые два монастыря к концу XVIII века уже входили в состав Рыбной слободы.

К моменту переселения Уральских казаковстароверов в Галич деревянные церкви монастырей пришли в ветхость. Вместо обветшалых церквей мужского монастыря Василия Кесарийского строятся каменные: летняя с шатровой колокольней во имя св. Василия Великого. «По некоторым сведениям церковь святителя Василия Великого была заложена протоиереем Симеоном в 1768 году. 2-я, зимняя, построена в 1798 году. В зимней церкви св. Василия Великого был престол в честь Божией Матери – Введение во храм» [4, 35]. На месте Зачатьевского монастыря была отстроена в 1799 году каменная церковь с колокольней святых Богоотец Иоакимы и Анны [4].

Постройка церквей всегда связана с экономическим подъёмом. Церкви всегда строились всем миром и на пожертвования местных жителей, тем более что святитель Василий Великий был покровителем рыбаков.

В 1812 году строится церковь в честь «святой мученицы Параскевы, нареченныя Пятницы» [4]. Эта святая была покровительницей торговых людей, и купцы Рыбной слободы не жалели денег на содержание церкви.

Рис. 10. Церковь святых Богоотец Иоакимы и Анны Зачатьевского монастыря. Конец XIX века.

Рис. 11. Церковь Параскевы Пятницы в Рыбной слободе. Слева – Зачатьевская церковь. Конец XIX века.

Рис. 12. Параскева Пятница Из Рыбной слоболы

По данным А. А. Тица [3] в этой церкви находилась великолепная резная скульптура XV века Параскевы Пятницы, нахо-дящаяся в настоящее время в Русском музее Санкт-Петербурга.

Таким образом, к началу XIX века в Рыбной слоболе было три Они прихода. организовывались вокруг церкви Василия Великого (1768-98 г.г.), церкви Параскевы Пятнипы (1812 г.) и церкви Святых Богоотец Иоакимы и Анны (1799 г.) бывшего Зачатьевского монастыря.

В народе эту церковь называли Зачатьевской.

По данным книги «Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии», вышедшей в 1863 году в Санкт-Петербурге [36] к церкви Василия Великого было приписано 327 прихожан мужчин, 412 женщин и 16 раскольников поповских (староверов) – всего 83 двора.

К Зачатьевской церкви было приписано 192 мужчины, 198 женщин и 12 староверов. Всего 53 двора.

К церкви Параскевы Пятницы было приписано 93 мужчины и 109 женщин. Всего 23 двора.

В книге «Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии», изданной в 1911 году [35], к церкви Василия Великого было приписано 517 мужчин и 512 женщин. К Зачатьевской церкви — 325 мужчин и 330 женщин. Причём часть рыбаков, приписанных к этим церквям, проживала на территории города Галича. К этому

времени при делении семей рыбаки стали селиться в районе Глинника. Таким образом, на Глиннике появились семьи с фамилиями Сотниковы, Карабановы, Рогозинниковы, Храмцовы.

О наличии старообрядцев, и их приписке к этим церквям уже ничего не говорится. В этой книге отмечается также, что к церкви Василия Великого приписана Рыбнослободская церковно-приходская школа для девочек (открытая в 1892 году), и что захоронение рыбаков производится на обвалованном (т.е. огороженном) Рыбнослободском кладбище в полуверсте от церкви.

К церкви Параскевы Пятницы по данным [35] было приписано 107 мужчин и 106 женщин. Причём захоронение прихожан этой церкви происходило на городском кладбище у Воскресенской церкви.

К началу XX века старообрядческие традиции, принесённые казаками-староверами в конце XVIII века, полностью слились с традициями православными.

В Рыбной слободе практически не осталось старообрядческих семей, хотя отдельные пожилые члены семьи (бабушки, дедушки) в некоторых семьях придерживались старообрядческих традиций.

Вот как писал об этом В. Поссе, посетивший Рыбную слободу в 1895 г.

«Все они православные, но упорно крестятся двумя пальцами и придерживаются языческого праздника Яриловки (в честь бога Ярилы). Браки заключаются обыкновенно только между рыбаками и рыбачками, «чужих» же берут неохотно» [2].

Жители Рыбной слободы любили свои церкви, с ними они связывали и своё рождение, и свадьбы, и свой уход из жизни, свои обычаи и праздники. Поэтому когда в 1932 году начали рушить церкви, жители Рыбной слободы делали все, чтобы препятствовать их разрушению: занимали круговую оборону, не отдавали ключи и т. п.

Рис. 13. Александра Ивановна Басова. 1911 г.

Идейным организатором защиты церквей в Рыбной слободе была святая Верушка (Вера Антоновна Меркулова) [30, 31]. Она часто бывала в Рыбной слободе, останавливалась на нынешней ул. Свердлова, д. № 37 у Ивана Фёдоровича Скорнякова. Вокруг её организовывались люди, для которых церковь была сама жизнь. Это дочери Ивана Скорнякова - Анна и Екатерина. жительнины Рыбной слободы Варвара Николаевна Булатова, Александра Ивановна Басова,

Екатерина Ивановна Целебровская, жена дьякона церкви святителя Василия Великого.

Как вспоминает дочь Екатерины Ивановны Целебровской Валентина Павловна, когда гонения на церковь достигли своего апогея, Целебровская и Басова обратились к матушке Вере: «Что делать? Надо всё бросать и уезжать!». Она ответила: «Сидеть здесь и делать всё, чтобы сохранить церковь».

Власти арестовали мать Веру, а с нею Анну Скорнякову, Варвару Булатову и ещё нескольких женщин. Мать Вера и Анна Скорнякова погибли в застенках НКВД. Были реабилитированы посмертно 27 июля 1989 г. Варвара Булатова вернулась из Казахстанской ссылки, умерла в 1983 г. в возрасте почти 90 лет. Их усилиями была защищена хотя и частично разграбленная властями зимняя церковь Василия Великого, впоследствии названная Введенской.

Для разрушения церквей власти привлекали самые люмпенизированные слои общества, которых потом прославляли как мучеников за новую власть. Одним из таких

люмпенов был Алексей Шестаков (по воспоминаниям Валентины Павловны Целебровской). При скидывании колоколов с колокольни церкви Василия Великого он вывалился вместе с колоколом и погиб. Похоронен в братской могиле борцов за Советскую власть.

Но даже в 70-х годах XX века, когда доламывали церковь бывшего Зачатьевского монастыря и предложили сделать это рыбакам, они отказались.

Воспоминания жителей Рыбной слободы о святой Верушке

(20-30-е годы XX века)

Вера Антоновна Меркулова родилась, по всей видимости, в дворянской семье, поскольку в следственных документах НКВД значится помещицей.

В народе её звали святой Верушкой, Верушкой Сумароковской, матерью Верой. Святая Верушка обладала даром прозорливости, её природная набожность и отношение к Советской власти, как власти не от Бога, привлекали к ней людей всех сословий. Люди сплачивались вокруг неё в защите своих интересов, особенно если это касалось православной религии. Она даёт жизненно важные советы, помогает людям, как может, дает им деньги и продукты в долг, особенно в посевную пору, ни когда, ни кому не отказывает. И люди потоком шли к ней за добрым советом, за благословением и несли уже ей муку, мясо, масло, яйца, холсты.

В её жизни много белых пятен. До сих пор точно не известны ни год её рождения, ни место рождения. Так, по исследованиям Л. И. Сизинцевой [31], в списке лиц Свято-Троицкого женского монастыря В. А. Меркулова числится, как крестьянка Орловской губ., Мценского уезда, 23 года, в монастыре с 1906 г.; а уже в деле ЧК на гражданку Меркулову В. А. в 1920 г. с её слов записано, что в Орловской губ. она только числится, родилась на Кавказе в г. Севастополе, а потом жила 24 года г. Ростове-на-Дону без

родителей. Родители оставили ей небольшие средства, на них она и жила, вела хозяйство, ходила в церковь. Таким образом, по монастырским документам В. А. Меркулова родилась в 1884 г., по документам ЧК – в 1882 г., а по документам НКВД в 1935 г. сказано, что В. А. Меркулова родилась в с. Сумароково Молвитинского района Ивановской промышленной обл. в 1874 г. Постриг в монашество получила в 17 лет в Грузии.

Разнятся сведения и о её образовании. Самообразование по документам 1921 г. сменяется гимназией – в 1935 г. По воспоминаниям М. М. Храмцова, со слов его отца, В. А. Меркулова родилась в имении под с. Берёзовцем, Галичского уезда, княжеского роду, получила хорошее образование.

По данным, полученным из Интернета, Вера Антоновна Меркулова родилась в 1886 году в Костромской губ., Галичском уезде, дер. Н. Теляково [Ожегин П. Т. «Список репрессированных служителей церкви Вятской епархии»].

Рыбакам очень импонировали высказывания святой Верушки относительно колхозов, которые они относили в свой адрес.

«Зачем мне агитировать против колхозов, когда колхозы скоро сами развалятся, – говорила В. А. Меркулова. – Если хватит денег платить налоги, то не ходите в колхоз, а если не хватит, то идите и будьте верными людьми в государстве». Обращаясь к властям, она говорила: «Вы неверно делаете, что в колхозы людей загоняете и там их под кулаком своим держите. Для меня это стыдно за вас, за всякое слово арестовываете, себя ниже всех делаете, для меня горько это» [31].

Даже о её безножии нет точных данных. По одним, после тяжёлой болезни в 1920 г. отказала одна нога, после побоев и издевательств в ЧК в 1921 г. – вторая. По справке, выданной после освобождения из Владимирского централа 13.07.31 г. – без ног, ноги порезаны. В деле 1935 г. – паралич обеих ног, коленных и стопных суставов, вывих плечевого

сустава левой руки. К этому времени число арестов перевалило за дюжину.

Начиная с конца 30-х годов XX века, люди боялись говорить о святой Верушке вслух. Как вспоминает внучка Ивана Фёдоровича Скорнякова Антонина Павловна Скорнякова, «до самой смерти Сталина мать просила нас (детей) нигде не говорить об Ане и святой Верушке, а если кто будет спрашивать, просто уходить».

Поэтому сейчас осталось очень мало людей, которые хоть что-то знают о святой Верушке, и тем более тех людей, которым судьба подарила общение с ней. Их воспоминания дополняют нам утраченные страницы нашей истории. Есть они и в Рыбной слободе.

Впервые о святой Верушке, а именно так звали эту женщину в Рыбной слободе, я услышал сравнительно недавно.

В 1995 году на похоронах моей матери ко мне подошёл старичок интеллигентного вида с палочкой в руках и сказал: «А Вы знаете, ведь я Вам близкий родственник», и назвал себя. Так судьба свела меня с интереснейшим человеком – Михаилом Михайловичем Храмцовым.

Моя бабушка по материнской линии Людмила Николаевна Сотникова (урождённая Мурзина) была родной сестрой матери Михаила Михайловича Любови Николаевны Храмцовой (урождённой Мурзиной). Их мужья Михаил Алексеевич и Михаил Иванович были рыбаками.

Третья сестра моей бабушки, Александра Николаевна (урождённая Мурзина) была выдана замуж за рыбновского сапожника Ивана Фёдоровича Скорнякова. Таким образом, моя мать, Сотникова Мария Михайловна, была двоюродной сестрой Михаилу Михайловичу Храмцову, а Иван Фёдорович и Александра Николаевна приходились ей дядей и тётей. Дети Скорняковых приходились моей матери двоюродными сёстрами и братьями.

Так появилась ещё одна, очень интересная веточка в моей родословной.

Отец Михаила Михайловича, Михаил Иванович, родился в 1870 году, мать, Любовь Николаевна, в 1880 году.

Семья была фанатично религиозной. Их приходом была Зачатьевская церковь (церковь Богоотец Иоакимы и Анны), где и дед, и отец Михаила Михайловича входили в церковную двадцатку (общественный совет по управлению приходом).

Отец читал на клиросе, поэтому в доме была большая библиотека церковных книг.

Такой же фанатично религиозной семьёй была и семья Скорняковых.

У Ивана Фёдоровича было шестеро детей. Дочери Анна, Екатерина и Александра были хороши собой. Анна и Екатерина обладали красивыми голосами и с детства пели в церковном хоре Преображенского собора. Дальнейшее повествование продолжит рассказ Михаила Михайловича. Предлагаю его дословно.

«Я родился в 1917 году. Сколько себя помню, всегда ходил в церковь. Священник Зачатьевской церкви отец Пётр (Назаров) был для меня и учителем, и духовником, и наставником.

Я часто бывал у своих двоюродных сестёр. С Аней и с Катей ходили в Преображенский собор, одного то меня не отпускали далёко. Анна была на 10 лет меня старше, а Катя ещё чуть побольше.

В доме Ивана Фёдоровича всегда останавливались священники из Чухломы, Солигалича и других мест, разные паломники. Дом-то был большой. Он и сейчас стоит на улице Свердлова (дом 37).

Первый раз я увидел святую Верушку в 7 лет. Мы с отцом пришли в церковь у Зачатья. Был престольный праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Как сейчас помню, на мне была белая рубаха с горохами и холщовые штаны, почти белые. Я их кальсонами звал.

Верушка сидела в кресле около алтаря. На ней был белый платок, белый, как мне показалось, халат такой, а ноги были спрятаны в белый мешок. И лицо такое доброе.

Отец Пётр поставил всех нас, ребятишек, в очередь. Она всех крестила, руку давала целовать. Когда подошла моя очередь, подошёл отец. Верушка перекрестила меня, дала, нарисованный на бумажке, крест и сказала, обращаясь к отцу: «Это у тебя последний? Проживёт долго». А мать сказала: «Береги крест-то этот».

Вот я и живу уже 85 лет. Войну прошёл.

Потом она у нас дома была несколько раз. Это теперь улица Гладышева. Дом-то до сих пор стоит (дом 22).

Анна-то у Верушки в послушницах была. Как рассказывал отец, у Анны, уже после революции, был роман с молодым, красивым, женатым дьячком Преображенского собора. У дьякона был красивый бас. Отец говорил, что когда он начинал петь — паникадило дрожало. Ну, согрешили. Анна-то тоже красавицей была, а как пела! Забеременела. Был ли ребёнок, не помню, но детей у ней не было. Дома был «крупный» разговор с отцом, Иваном Фёдоровичем. После этого разговора отец её и благословил в послушницы к святой Верушке замаливать грехи. Была ли Верушка при этом разговоре, отец не говорил.

Отец мой умер в 1945 году и до самой смерти считал самой возвышенной святостью, что святая Верушка посещала наш дом.

Возили её в коляске, у ней что-то с ногами было. Отец мне рассказывал, что у ней ноги отнялись из-за того, что ей пришлось ходить по снегу.

Потом работал на практике в деревнях Игумново и Залесье, это километрах в 20-25 от Берёзовца. Не знаю, сохранились ли эти деревни теперь. В Игумнове то в то время 45 домов было. Речка Талица там текла, потом она в реку Шача, говорят, впадала. Так в тех краях святую Верушку знали все. Так там я многое о ней узнал. Говорили, что она княгиня, что родом из тех мест. У ней там поместье было.

А места там красивые. Леса осиновые. Там лодки делали, баржи. Народ жил богато.

Я там счетоводом работал, практикантом, поскольку учился ещё в Галиче на экономических курсах. Как я какую бумагу кому помогу составить, так тут же барана тащат.

Это был 1936 год. Коллективизация там началась. И меня привлекали. Народ там сопротивлялся крепко. Говорили, что местные жители там организовали свой колхоз, в противовес государственному, так что пришлось присылать даже войска. На моих глазах здоровый местный парень убил мужика, что приехал проводить коллективизацию. Прямо в избе, при всём народе.

Так вот, там я услышал, что святая Верушка отморозила ноги, когда в лютый мороз бежала в деревню предупредить местных жителей, что едет НКВД. Но я то её ещё в 24-м в первый-то раз видел, она уже не ходила.

Анна всё время была при святой Верушке. Помню, при одном из посещений нашего дома, святая Верушка подарила моей матери три стакана скорлупы от семечек, а мне крест нарисовала. Мать крестик в божницу положила, а скорлупу от семечек в мешочек положила и хранила под образами почти до самой смерти. Что это? Зачем? Мне так и не сказала.

Анну арестовали в конце сентября в Михаилов день в нашем доме. Это был 32-й год. У нас были гости. Отец мой был крёстным отцом Анны. К дому подъехал «чёрный ворон». Такая чёрная карета, запряжённая лошадкой. Этой кареты, одного её вида, боялся весь Галич. Арестовывал Анну Александр Дмитриевич Виноградов. Родом то он из Зеленцина. Показал ордер на арест. С ним ещё двое в дом вошли. Гости заплакали. Зоя Ивановна, бабушка-то твоя, чтото засуетилась. А я начал бить руками Виноградова и кричать: «Не трогайте Аню, не трогайте!». Тут уж отец с матерью начали меня оттаскивать. Мне уж было 15 лет, могли и забрать.

Потом были обыски. Отца моего много раз вызывали в НКВД. При обысках всю нашу библиотеку церковных книг разворовали. Потом и святую Верушку арестовали. Реабилитировали их 27 июля 1989 года посмертно. В Галич вернулась Варвара Булатова, которую взяли вместе с Анной. Так она сказала, что видела Анну где-то в Казахстане.

Да, в Галиче святую Верушку очень поддерживал купец Дубов Василий Васильевич. Перед войной мне пришлось поработать с ним. Умный был человек. Раньше ему принадлежали все верхние ряды. Был старостой в Преображенском соборе.

Анне приписали членство в религиозном обществе святой Верушки и антисоветскую деятельность.

Перед войной, когда я служил во Владивостоке на флоте, судьба вновь свела меня с Виноградовым. Он в это время был уже генерал-майором, начальником особого отдела Тихоокеанского флота. Он случайно увидел меня на одном из совещаний, я в это время был финансистом в отряде. Я его тоже узнал.

Потом был вызов в особый отдел. Весь экипаж провожал, думали «с концами». Встретились как земляки. Виноградов показал мне часы, которые получил как награду после ареста Ани. Там было выгравировано, как сейчас помню, «За ликвидацию антибольшевистского религиозного общества».

Потом началась война, и Виноградов посодействовал отправке меня на Аляску, в Америку, где я более двух лет прослужил в форте Ковбей. Это военно-морская база Америки. Там я участвовал в приёмке фрегатов. Это боевые корабли, которые Америка поставляла нам по ленд-лизу. Потом, на последнем из принятых фрегатов, воевал с Японией.

А потом до конца 47 года таскали по НКВД в Галиче, уточняя, что это я делал в Америке.

Видно, крестик-то, что нарисовала мне святая Верушка, берёг меня. Только вот с разными переездами пропал он из божницы-то».

Так закончил свой рассказ Михаил Михайлович.

Дальнейший поиск следов пребывания святой Верушки в Рыбной слободе привёл меня к маленькому, в два окошечка по лицу, домику, что стоит на ул. Набережной в нескольких метрах от паперти Введенской церкви. Всё было так, как когда-то описал Владимир Поссе, посетив Рыбную слободу в конце XIX века.

«Тишина и безлюдье. С одной стороны тянулось озеро, с другой – длинный ряд потемневших рыбацких изб. Иные из них покачнулись на бок, другие, напротив, держатся прямо, бодро и щеголяют пёстро расписанными ставнями» [2]. Со времён Поссе со ставнями остался один дом, другие теперь украшают резные наличники.

Маленький же домик, о котором я начал говорить, заложили в 20-м году и закончили только в 24-м. Такой долгострой получился из-за того, что люди, проживающие в нём, были причислены к «врагам народа».

Живут в этом доме сейчас две сестры Целебровские: старшая, Валентина Павловна, 1933 г. рождения, и младшая – Людмила Павловна, 1936 г. рождения. Это дети дьякона церкви св. Василия Великого, а затем Введенской церкви Павла Дмитриевича Целебровского, обладателя красивого баса, уважаемого человека в Рыбной слободе. В церковь он пришёл после ранения на 1-й Мировой войне, где после очень сильного боя дал обет, что если останется жить, посвятить себя служению Богу. И служил он ему 24 года, до самой своей смерти, вместе со своей женой Катериной Ивановной Целебровской, урождённой Сахаровой. И, безусловно, с этой семьёй святая Верушка была связана.

Рассказ Людмилы и Валентины я вам и предлагаю.

«О матушке Вере – говорит Людмила, – мне рассказывала мама. Когда её и папу в 20-м году стали выселять из церковного дома (ул. Свердлова, 18), вместе с

ними выселили отца Сергия (Дьяконова). И ещё там жили монашки. Мама пошла к матушке Вере, которая в это время жила в Дмитровском у одного старичка, который её прятал, и спросила: «Может мне уехать? Что делать-то, жизни нет?». Матушка Вера ответила: «Сиди на своём месте! И делайте всё, чтобы сохранить церковь».

Потом к ней ходила мамина подруга Вера Васильевна Казанцева. Она и ей сказала: «Сидите дома. Ваша задача, чтобы вы сохранили церковь. Чтобы церковь работала». Так вот, мама и Вера Васильевна делали всё, чтобы не дать закрыть церковь.

После того, как папу с мамой выгнали из церковного дома, они целую зиму жили в сарае без печки, вместе с коровой, и вот начали строить этот домик и охранять церковь.

Мама никогда не рассказывала, как выглядела матушка Вера, только говорила, что она сидела в кресле, которое ей сделал этот дедушка из Дмитровского. Ноги у ней были совершенно атрофированы. Мать говорила, что её ставили на раскалённое железо.

«Да не на железо, - вступает в разговор Валя - мама же говорила, что на плиту».

Ну, на плиту. Вот я и говорю, что ноги у ней совершенно были атрофированы.

Ещё мама рассказывала, что матушка Вера ей судьбу предсказала. Вот она маме сказала, что у тебя одна дочь уедет далеко, а вторая будет где-то рядом, а потом, после твоей смерти, дочки снова будут жить вместе в одном доме. Вот ведь, так и случилось. Валя, вот, после окончания учительского института была послана в Якутию. Я после училища работала в Межевском районе. Мать умерла в 85-м году. А теперь вот волею судеб мы снова вместе».

– А вот вы с раннего детства в церковь ходили. Какая она была до войны?

Валя вздохнула и ответила: «Летнюю-то я не помню. Она уже в 34 году была закрыта, а в 37-м ломали

колокольню. Разрушали её уже на моей памяти. Мама стояла у окна, крестилась. Колокола-то скидывал Лёшка Шестаков, пьяница, первый большевик. Мама смотрела, как он пилил балки, что колокола-то держали, и сказала: «Всё равно тебя Господь Бог покарает». Только сказала, и этот Лёшка вместе с какими-то досками вылетел из колокольни. Похоронили его как первого коммуниста. Могила-то эта на горе, в пенсионерском саду.

А красота-то в церкви была! Печи изразцовые, красивые. Служба велась от и до, не то, что сейчас, сплошная халтура. А какие иконы были! Когда арестовали нашего дядю, отца Александра, – он около Степанова приход имел – люди его иконы сберегли, к нам привезли. Иконы старинные, все в жемчугах, оклады золотые и серебряные, драгоценными камнями и брильянтами украшенные. А мы уже врагами народа считались. Мама побоялась их дома прятать и унесла в церковь. Да ещё и нашу икону отнесла, Богородицы. Оклад весь был из речного жемчуга. Иконы все были в больших киотах. В церкви их поставили каждую на своё место. Старостой в это время была Александра Ивановна Басова. Умерла она в конце 70-х годов. Дом-то её и сейчас стоит на Городище. Она тоже много сделала по защите церкви. А потом, через некоторое время, вдруг все эти иконы исчезли. Как? Что? Когда? Мама наша, Александра Ивановна много раз пытались узнать, где иконы.

«И я тоже пыталась узнать, уже позже, – вступает в разговор Людмила. – Украли! И весь спрос! А потом и оставшиеся начали увозить. Помню, как Басова за одну икону схватилась, ей даже плохо сделалось. Такая икона единственная в церкви была. Увезли, сказали, что в Ипатьевский монастырь. А теперь в церкви одни подделки. А пол, какой красивый чугунный в алтаре был. И тот выломали».

До войны то, когда колокольню разрушили, один большой колокол всё же отстояли, и он уже во Введенской висел. Отец Николай его вешал, он его и освящал. А потом

его по указанию Колобова, был такой начальничек в горсовете, тоже куда-то дели. Большой был колокол. Сейчас то не колокола — колокольчики, — продолжала свой рассказ Валентина. — Помню, в летней то церкви были тоже такие красивые чугунные полы. Помню, дядя Вася Дружинин ещё пытался что-то сохранить, когда в 37-м её громили».

«А я вот ещё, что помню, — сказала Людмила. — Я дружила с Надеждой Викторовной Орловой, дочкой последнего священника Никольского собора в женском монастыре (Староторжском) отца Виктора Орлова и матушки Марии. Так отец Виктор написал книгу об истории Никольского собора и монастыря. Книга была написана уже после закрытия монастыря и напечатана во Франции. Там всё по-французски было написано, какая типография, город, я уж не помню. Но где-то в 20-х годах. После смерти отца мать эту книгу и подарила дочке, моей подружке. Домой она мне не давала читать, я её у ней так и читала.

Там такие фотографии были! Чёткие, ясные. Помню снимки кладбища, что при монастыре-то было - всё, что на каждом кресте было написано, можно было прочитать. И ещё, что мне запомнилось. Одна настоятельница. Она была немка, высокая, красивая. Её все боялись. Там несколько настоятельниц было не русских.

Там была и фотография матушки Веры во весь рост и с посохом. Мать подружки-то рассказывала нам, что когда начали громить монастырь, а это было в 19-м году, отец Виктор прятал матушку Веру у себя дома на Нагорной улице (теперь ул. Гагарина). Потом её тайком перевезли в Дмитровское.

Последнее время Надежда Викторовна жила в Ростове-на-Дону. Она – заслуженная учительница. Умерла в 1985 г. Книга, если сохранилась, может быть там, у сына».

Дальнейший поиск следов пребывания святой Верушки в Рыбной слободе привёл меня в маленькую однокомнатную квартирку в безликой пятиэтажке.

Переступив порог, я как будто оказался в Рыбной слоболе 40-х голов.

Большая металлическая кровать с изящно выгнутыми спинками, украшенными металлическими шариками. Вдоль кровати вышитый подзор, лоскутное покрывало и гора подушек под вышитой накидушкой. Старинный комод и стол под белоснежными скатертями. На полу домотканые половики. В Красном углу иконы, накрытые полотенцами. Горит лампада. На стене портреты родителей, Портрет хозяйки дома с мужем. Такие портреты с увеличенных фотографий были в моде после войны в Рыбной слободе. Тут же церковный календарь.

Маленькая симпатичная старушка, от которой шла какая-то добрая аура, предложила мне сесть и, поскольку мы ещё на улице обговорили тему нашего разговора, сразу же приступила к рассказу.

«Манефа Павловна Круглова я. Родилась то я в 1914 году в деревне Еремеево. Это по прямой-то километров 14 до Галича.

До колхозов-то мы хорошо, богато жили. Деревни-то большие были. Молодёжи-то сколько было!

Мне 12 уж было, когда я первый-то раз увидела Верушку. Нас девчонок много было. Она подходит к нам, где, говорит, постарше-то увидеть. Мы говорим, вот там спроси.

Она маленькая была, плохо ходила, ноги-то у ней как косолапые были, ну калека. Раза три она к нам приходила, и всё в Пасху. Попала к нам из Кабанова. От Кабанова-то до нас километров 8-9. Как она шла на таких-то ногах? Мать говорила, что она святая. Бывало, идёт в Пасху по деревне и всё поёт: «Христос воскресе! Христос воскресе!» Она и в нашем доме за столом сидела. Все за ней ходили, все к себе звали.

Лет 45 ей было. У нас, её все звали Верушкой Сумороковской, а что это, толком-то я и до сих пор не знаю.

Мы то с девчонками всё за ней ходили. А она нас всё: «ангешко, ангешко». Это надо было говорить ангелы, а она

слова-то не выговаривала. Вот так хорошо помню, как сейчас. Вот покажись она сейчас, узнала бы. Узнала.

Девчонок-то много было. Она мне тут и говорит: «Подойди-ко девушка. Ты такая хорошенькая, а счастья-то в жизни твоей не будет. Проживёшь ты долго. Муж у тебя хороший будет, да погибнет на фронте. Второй раз ты замуж выйдешь. Парень будет холостой, не женатый. С фронта придёт, только израненый весь. Замуж ты в декабре выйдешь. В декабре и муж твой от ран умрёт. Ты останешься вдовой в 26 лет. Сын у вас будет один, и он тоже трагически погибнет».

Подумала тогда: «Да врёшь ты всё бабка!» Ну что – левчонка была.

А ведь потом, что она сказала, точно исполнилось. И первый муж погиб на фронте, пожили-то мы с ним чуть. Даже ребёночка не успели. После войны второй раз вышла замуж, и точно в декабре. А через несколько лет в декабре и он от ран умер. И сын мой погиб, машиной задавило. И живуто я уж ух как долго. Уж 88. Помирать пора.

До коллективизации-то мы хорошо жили. Церковь наша в Конищеве стояла. На горе, красавица. Это километра 2 от нашей деревни. Мы, бывало с девчонками в воскресение, рано туда пойдём. Чтоб туфли-то не пачкать, босиком идём, а перед церковью оботрём, ноги в пруду вымоем — и в церковь. Любила венчанья смотреть. Их, бывало, по 12 было. Лошади все в лентах и в цветах, сбруя блестит. А народу!

А потом всё хуже и хуже. Церковь искорёжили. Вот и я с мужем в 70-х годах в Рыбную приехали. В деревне-то уж стало жить невмоготу.

Верушка-то при благословении крестики давала. Крест-то этот не всем давала. Кому целый рисовала, кому только половинку. И благословляла не всех, и руку не каждому давала.

Мне уж вот 88, а всё как сейчас помню».

Мои информанты встречались со святой Верушкой в детстве, но через всю жизнь они несут о ней трогательные

воспоминания. Их родители считали за великую честь посещение их дома святой Верушкой - Верой Антоновной Меркуловой.

Сравнительно недавно состоялась у меня ещё одна встреча, связанная со святой Верушкой, встреча с Марией Александровной Смирновой. Родилась она в деревне Шарпаново в 1917 году. Деревня находилась не далеко от Берёзовца, что стоит на реке Шача, и где Верушку всегда считали своей.

В 30-е годы, когда началась коллективизация, приехала Мария Александровна в Галич и поселилась в Рыбной слободе.

Вот её рассказ.

«Больно-то много я о Верушке-то уж в Галиче услышала. А дома-то, я уж мало што помню. Ети, гонения то, были, ну, когда были ети, партейные-то, году в 32-м. Тогда над ней издеваться пришёл, етот, партейный-то, у ета уж, ну, Петька. Пришёл он. Я не знаю с кем она (св. Верушка) жилато. Он пришёл, у ей-то плита топиться. Он яё на плиту-то и посадил. А она ему и говорит: «Ну, Петька, ты пойдёшь, тебе в Шаче воды не припить». И он пошёл – и утонул».

 А вот её ещё Сумароковской называли, ты что про это слышала?

«Как же. У ета уж мне Маня-то Тимошенко рассказывала, што яё Сумарокоськой-то звали».

 И река Шача там есть, – продолжал я – может там Петька-то утонул, а не у Берёзовца?

«Енто про ту Шачу я не знаю, у ета уж надо Маню спрашивать».

Я попросил Марию Александровну, чтобы она организовала мне встречу с Марией Тимошенко и попросила у неё для меня на время фотографию святой Верушки, что хранилась у неё. Мария Александровна просьбу выполнила. Только встреча не состоялась. Совсем не давно Мария Тимошенко умерла в возрасте 81 года.

Рис. 14. Вера Антоновна Меркулова. 20-е годы XX века.

У меня осталась копия с фотографии святой Верушки и копии с нескольких бумажек с крестиками, что вручала святая Верушка тем, кто просил у неё благословения. На фотографии женщина, сидящая в пол-оборота в глубоком резном кресле. Она как бы присела на краешек этого кресла. Возраст — лет 40. Правая рука лежит на поручне кресла, а левая держит чётки и придерживает икону Казанской Богоматери, что лежит на её груди. Женщина вся в белом. На пухленьком лице доброжелательная улыбка и острый пронзительный взгляд.

И вот эти крестики-талисманы, что люди пронесли через всю свою жизнь. Это бумажные квадратики, примерно 4х4,5 см. Такое впечатление, что крестики эти нарисованы каким-то штампом, как печать. Некоторые нарисованы полностью. У некоторых частично срезана верхняя или нижняя часть. На некоторых в перекрестии нарисован глаз в треугольнике.

На обратной стороне этих бумажных квадратиков, рукою святой Верушки написано, например, «Ев. от Матфея 10. Псалом 71» или «Ев. от Матфея 9. Псалом 30».

Рис. 15. Бумажные крестики-талисманы от святой Верушки.

На одной из бумажек, что видел я, крест с глазом, но без треугольника, нарисован рукой святой Верушки на обороте бумажки с уже отштампованным крестом, обрезанным снизу и сверху. Видимо, святой Верушке так понравился человек, что просил у неё благословения, что она на обороте рисует своей рукой новый крест и пишет «Ев. Марка 1. Псалом 15». О чём же просит прочитать святая Верушка?

Первая глава Евангелия от Марка повествует о приготовлении пути к Богу. «И сказал им Иисус: идите за Мной, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков. ...И говоря, что исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие». Видимо, тот человек был единомышленником святой Верушки.

Все монологи своих информантов я передал с сохранением диалектных особенностей их языка.

Рис. 16. Церковь св. Василия Великого. Начало XX века.

Религия в семьях рыбаков в конце XIX- начале XX веков

Воспоминания Михаила Михайловича Храмцова²

«В нашем доме, как себя помню, вера была православная. Правда, было несколько икон-складней. Это иконы дедовы были. В каждом доме было много икон, их образами всегда называли. Это сейчас иконы. Наиболее почитаемое место для образов — угол в восточной стороне дома в самой большой комнате-горнице. В горнице стояла и кровать хозяев. Её ставили так, чтобы она стояла у противоположной стены по отношению к образам и головой была обращена на север, чтобы хозяева были всегда лицом к образам.

В зависимости от количества образов их располагали на стене, ставили на *тябло* (полочку), или заказывали

² Михаил Михайлович Храмцов родился в 1917 г. Коренной житель Рыбной слободы из рода казаков-староверов Храмцовых. Ветеран Великой отечественной войны. Служил в Америке, участвовал в приёмке боевых кораблей, что поставлялись по ленд-лизу. На рис. 37 – М. М. Храмцов.

специальные иконостасы, или делали киоты на несколько образов. Вот у меня еще сейчас сохранилась киота на два образа. Перед образами всегда была лампадка. Могла стоять на *тябле*, или её иногда крепили прямо к потолку.

Наиболее почитаемыми образами в Рыбной слободе были: Николай Угодник, Спаситель, все Богородицы (Казанская, Владимирская и другие), Иоанн Златоуст, Серафим Саровский, Троица. Обязательно в каждом доме был Крест-распятие. Небольшие иконы ставили иногда на кухне и в прихожей, если она была. Лампады перед этими иконами не ставились.

При входе в дом полагалось перекреститься и поклониться.

Лампаду зажигали по всем Великим христианским праздникам, а также в день именин каждого из членов семьи, по случаю похорон.

Лампаду зажигали всегда от свечи, принесённой из церкви. Перед зажиганием лампады и после полагалось осенить себя Крестом.

Молодых всегда благословляли образом Богородицы, который дарил им отец невесты. Отец жениха, как правило, благословлял молодых Крестом-распятием, который им и дарил. Реже благословляли образом Спасителя или Николая Угодника. Эти подаренные иконы устанавливались в доме молодых и сопровождали их всю жизнь. Образ Богородицы ставили у гроба покойного. Потом этот образ и Крест передавали по наследству, как правило, самым младшим, дочери или сыну, которые жили с родителями.

Венчальные свечи ставились в киоту образа Богородицы и напоминали в течение всей жизни о данном обете хранить любовь и заботиться друг о друге, который дали молодые Богу в день своего венчания.

Образа в горнице украшали полотенцами, концы которых вышивали крестом.

Святую воду, принесённую из церкви в Крещение, хранили под иконами в горнице и использовали в случае болезни, для очистки помещения от злых духов, для окропления скота и других житейских мелочей.

Полученные в церкви просфоры при причастии и при упоминании «О здравии» съедались дома после прихода из церкви, а просфору, полученную при упоминании «За упокой», несли на кладбище и раскрашивали (крошили) на могиле поминаемого. Для церковных книг в доме особого места не отводили. Как правило, они стояли на этажерке или на полочке. Почти в каждом доме была Библия.

Каждый член рыбацкой семьи с детских лет должен был знать наизусть четыре молитвы: «Богородице Дево радуйся», Молитву Господню «Отче наш», Трисвятое: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный помилуй нас», Символ веры «Верую во единаго Бога Отца вседержителя».

Общего пения молитв дома в семьях рыбаков не было. Исключение были только похороны и начало «Чашёвой». Здесь пели «Отче наш».

Перед «Чащёвой» рыбаки «молили калачи», во всех семьях рыбаков перед образом зажигалась лампада, а все члены семьи перед праздничным столом и после него пели хором «Отче наш» и « Богородице Дево радуйся». Молитвы исполнялись стоя.

«Чащёвая» начиналась всегда 14 августа, в Медовый Спас.

В обыденной жизни семья садилась за стол и вставала из-за него, осенив себя Крестом.

Особых нарядов для посещения церкви у рыбаков не было, но в церковь надевали все лучшее. Девочки и женщины должны были быть обязательно в платках. Женщиныстароверки платочки под подбородком закалывали булавкой, православные — завязывали на узелок, а в церковь ходили в одну.

Коллективного чтения церковных книг, как правило, в семьях рыбаков не было.

Ребятишек собирал священник прихода. В начале XX века священником Зачатьевской церкви был отец Пётр (Назаров).

Во время Великого Поста отец Пётр после чтения Ефимоны собирал всех ребятишек и учил их послушанию родителям, уважению старших, библейским истинам, говорил о вреде курения и пьянства.

В церковной библиотеке было много маленьких нравоучительных книжек. Отец Пётр давал каждому по книжке, а на другой день спрашивал каждого, кто что уяснил и запомнил. Посещение Ефимоны детьми было обязательным.

В первый день Великого Поста в доме старались не есть до вечера, а старики, иногда, не ели и до утра следующего дня. Еда в Великий Пост состояла из похлебки (картошка, лук), варили каши, кисели (клюквенный, смородиновый), кисель с манной кашей и, конечно, вандыш.

Похлёбку и суп из *вандыша* часто ели вприкуску с солёным огурцом. Несколько раз в Великий Пост разрешалось есть рыбу.

В Вербное воскресение ходили освящать в церковь вербу. Потом приносили её домой и клали под образа. Этой вербой родители иногда «воспитывали» детей. В Рыбной на этот счёт слыла поговорка; «Верба хлёст — бьёт до слез!». Вербой выгоняли первый раз коров на пастбище.

Существовало в Рыбной слободе и паломничество к святым местам. Так София Ивановна Храмцова³ ходила в

³ София Ивановна Храмцова и Зоя Ивановна Сотникова, родные сёстры, коренные жительницы Рыбной слободы из рода казаковстароверов Храмцовых. Обе в разное время были старостами Введенской церкви, входили в состав «двадцатки». Зоя Ивановна умерла в конце 80-х годов в возрасте 93 лет. На рис. 8 Зоя Ивановна (слева) и Софья Ивановна вместе с Петром Ивановичем Храмцовым и с девочками-воспитанницами.

Свой путь паломники обязательно шли пешком. Паломников сопровождали лошади, на которых везли провиант и одежду. В пути разрешалось, если очень устал, а до привала ещё далеко, держаться рукой за телегу. Такой была религиозная жизнь в семьях рыбаков до 30-х годов XX века».

Праздники и забавы в Рыбной слободе с конца XIX до середины XX веков

Напряжённый трудовой ритм жизни жителей Рыбной слободы, безусловно, имел отдушины, которые выражались в праздниках и всевозможных забавах.

Бытовая упорядоченность жизни как нельзя лучше сказывалась в молодёжных гуляньях, в которых зачастую участвовали дети, пожилые и старые люди.

Праздники (гулянья) можно условно разделить на зимние и летние.

Одним из красивых зимних праздников было Рождество Христово. К этому празднику готовились загодя. Дети в течение года собирали фантики от конфет, разноцветные всевозможные бумажки, зарабатывали деньги на прополке грядок, приглядом за младшими детьми.

Рождественская неделя приходилась на морозную зимнюю пору, когда дела сводились к минимуму, уход за скотиной, прядение ниток и вязание *пятков*, но в рождественскую неделю, в Святки можно было оставить все дела, пойти куда хочешь, заниматься, чем хочешь.

Молодёжь устраивала на Рождество большую беседу; устраивают складчину, снимают избу и веселятся.

Одновременно в разных местах устраивалось три «беседы» и длились они две недели.

На Рождество, какой бы не был дом, богатый или бедный — всегда ставили ёлку. Если какая-то семья не могла самостоятельно поставить ёлку, то делала это вскладчину.

Украшением ёлки занимались дети. Из ранее заготовленных фантиков делали бутафорские конфеты. Ктото закручивал в фантики вату, кто-то нарезанный кубиками сырой картофель. «Конфеты» аккуратно вешали на ёлку. Из цветной бумаги клеили цепи. И конечно, украшали ёлку свечами. Ёлочных свечей на Рождество в Галиче можно было купить, сколько хочешь. Разного цвета, установленные в специальные металлические цилиндрики с зажимом для крепления на ветке, они радовали глаз, и вот тут-то в ход шли ранее заработанные деньги. Кто их больше смог заработать, у того ёлка и была красивее.

Вокруг ёлки водили хороводы и читали стихи.

В более богатых семьях рыбаков вместе с бутафорскими конфетами на ёлку иногда вешали и настоящие конфеты, которыми угощали гостей. В более бедных семьях дети покупали конфеты и ёлочные свечи вскладчину.

Сам праздник Рождества Христова начинался с молитвы. По возможности рыбаки всей семьёй посещали свой приход в праздничное богослужение. Готовили праздничный стол. Украшением стола, конечно, была рыба. Её подавали в копчёном, жареном и заливном видах, варили уху и, конечно, пекли пироги. Мастериц печь пироги в русской печи в Рыбной слободе было всегда достаточно. И до настоящего времени ещё сохранились мастерицы, которые выпекают пироги в русской печи по старинным технологиям. Особенно славилась кулебяка — пышный пирог с луком и мелкой рыбой. Пекли и «сладкие» пироги, то есть с начинкой из варенья или повидла. Эти пироги по традиции выпекали в круглых противнях, как солнышко, и украшали, сделанными из теста, веточками, розочками, клеточками, у кого какая

была фантазия. Как правило, в день Рождества родители приходили в гости к своим уже самостоятельно жившим детям, а на второй день дети шли к родителям.

С Рождества (с 7 января) до Крещения (до 19 января) были Святки. В Святки ходили ряжеными. Часто инициативу брали на себя девушки. Одна из девушек наряжалась этаким разухабистым кавалером, другая — барышней, а уж вокруг них собиралась всякая нечисть в вывернутых на изнанку шубах, с ватными бородами и хвостами из мочала, липового лыка. Были гармошка или балалайка. Ребята выкатывали со двора сани, в которые впрягали лошадей, впрягались сами и устраивали шумные катанья по Рыбной слободе или с гор.

Ряженые ходили по домам колядовать. При входе в дом все дружно пели молитву «Рождество Твое Христе Боже наш», а потом разные колядки, частушки, плясали. Как правило, хозяин подносил взрослым парням по чашке водки, а детям и девушкам давали пирога или сладостей.

На Крещение девушки гадали. Как рассказывает Мария Васильевна Носова ⁴ (урождённая Сотникова, 1914 г. рождения), она со своими подружками запирала пустые вёдра в подвале, и ждали, какой кому жених явится во сне. Бросали валенок через забор. В какую сторону след валенка пойдёт, с той стороны и мужа жди. «Мне вот – рассказывает Мария Васильевна, – валенок показал на Нижнюю улицу (сейчас Набережную), так я туда и замуж вышла».

С Крещения в Рыбной слободе начинали ходить сваты. На момент сватовства невесту прятали. Гостей угощали чаем из самовара. Если сватовство прошло успешно, назначали смотрины. В этот день родители жениха приходили в дом невесты и договаривались с её родителями о сроках свадьбы. За неделю до свадьбы в доме невесты

⁴ Мария Васильевна Носова, урождённая Сотникова. Родилась в 1914 г. Коренная жительница Рыбной слободы из рода казаковстароверов Сотниковых. В свои молодые годы принимала самое активное участие во всех праздничных мероприятиях.

проходил девичник. Невеста проводила эту неделю со своими подружками, готовили приданое.

Свадьба начиналась с венчания в церкви и длилась, как правило, два дня. Венчание проводилось, как правило, в церкви, которая являлась приходом для жениха.

К церкви, где проводилось венчание, жених с невестой подъезжали в, празднично украшенных, каретах или приходили пешком, если жили рядом с приходом. К этому времени у церкви уже собирались гости в своих лучших нарядах. Жених приезжал первым, встречал невесту у дверей храма и они вместе входили в церковь. За ними в храм входили гости. При этом все замужние женщины назывались свахами, а подружки невесты — почётными. Два дружка жениха держали над головами венчающихся короны-венцы и назывались шаферами. В руках молодые держали венчальные свечи, украшенные лентами и восковыми цветами.

По окончанию венчания священник брал молодых за руки и провожал их до кареты. Впереди несли икону, которой благословляли молодых на новую жизнь, и она становилась семейной реликвией до самой смерти. Венчальные свечи ставились рядом с этой иконой.

Очень часто священника приглашали на свадьбу и тогда он, так же взявши молодых за руки, вводил их в дом родителей мужа и садился за первый стол.

За первый стол подавали щи, картошку, пироги и немного водки.

Второй стол собирали к вечеру. Гости к этому времени переодевались в более удобную одежду, чтобы отдаться веселью в полную меру. Тут уж было всё: и шутки, и песни, частушки и пляски под гармошку или балалайку.

Второй день свадьбы праздновался в доме родителей невесты. Свадьбу, как правило, праздновали в воскресение, а в субботу в доме родителей невесты устраивали смотрины приданого. Выставлялась кровать, на которую выкладывалось постельное бельё, подушки, платья и многое-многое другое, что потребуется в долгой семейной жизни.

Свадьбы в Рыбной слободе игрались до самой Масленицы, а время это называлось Мясоед.

В пятницу на масленичной неделе молодые выезжали кататься на лошадях по городу. Основное катание происходило на торговой площади Галича между верхними и нижними рядами. К галичанам присоединялись молодые близлежащих деревень. Рыбновские молодые обязательно делали круг по Верхней и Нижней улицам.

Это была красивая традиция, которая сохранялась до конца 20-х годов XX века. Красиво одетые молодые восседали в двухместных каретах, украшенных гирляндами цветов, сбруя лошадей начищалась до блеска, вешались колокольчики, в гриву лошадей вплетались ленты. Молодая сидела в карете, укрытая красивым пледом или ковром.

За каретами бежали десятки ребятишек с криками: «МО-ЛО-ДЫ-Е-Е-Е! АЛЕ ЛЁ! АЛЕ ЛЁ!» И молодая каждой кареты бросала в толпу конфеты, пряники, печенье. Ребятишки старались на лету ловить эти сладости и провожали кареты до дома, запоминая, где живут молодые. Потом пригодится.

Такие праздники проводились в Галиче и Рыбной слободе до 1925 г., как вспоминает Мария Васильевна.

Всю масленичную неделю молодёжь собирала дрова на «масленку», на большой костёр, который жгли в прощёное воскресение, последний день масленицы. Для этого собирались в группы, находили большие сани, на которых рыбаки возили дрова из леса и с песней:

Мы на масленку сбирали, Трои лапти изодрали! Курва масленица! Курва тасканица! Проярыжилася, Прокорячилася! Поезжай в Ростов, Накупай хвостов,

На Великий пост Тебе редьки хвост!

Ходили по дворам. Жители Рыбной слободы выносили не нужную деревянную рухлядь, дырявые кузовки, корзины, давали и дрова. Собранные дрова свозили в одно место, ставили сторожа, как бы конкуренты не стащили.

В Рыбной слободе ставили четыре *масленки*. Одна была на Даче (это сейчас район пляжа в Рыбной слободе), вторая у Зачатья (в районе пл. Калинина), третья — у Пятницы (в районе Пожарного пер.), четвёртая у Василия Великого (в районе Введенской церкви).

Масленки сооружали целый день. Взрослые устанавливали жерди в виде конуса – остов масленки. Потом этот каркас заполняли собранными за неделю дровами и другими горючими материалами. Шло соревнование, чья масленка выше.

И вот наступал вечер. К масленке собирались все жители прилегающего района. Зажигался костёр, и начиналось веселье. Ещё в конце XIX века вокруг горящей масленки водили хороводы, которые в начале XX века сменили пляски под гармошку и балалайку, пение частушек. Женщины приносили и бросали в костёр «крылышки» и «пёрышки», которые использовали для смазывания маслом сковород и противней при выпечке пирогов, прожигали от масляных пятен сковороды. На следующий день начинался семинедельный Великий пост, и о масле ничего не должно было напоминать.

В таком виде масленки дошли до 60-х годов XX века.

Великий пост накладывал отпечаток на жизнь Рыбной слободы. Улицы становились тихими и пустынными, все были заняты работой или молитвой.

В Великий пост ели суп с грибами, гороховый с луком, варили овсяную кашу, изредка варили суп с вандышем.

В среду 4-ой недели поста из пресного теста пекли кресты. Крестов пекли по числу членов семьи. В один из крестов вкладывали монету. Кому крест с монетой попадётся – тот счастливчик.

Из пресного теста пекли и жаворонков в Вербное воскресение. В них тоже вкладывали монетку на счастье.

Перед Пасхой мыли и убирали дом и двор. В доме мыли потолки и стены. Дресвой (мелко размельчённым бутовым камнем) натирали полы. Всё, что можно было подвергнуть стирке, стиралось и «выкидывалось» на снег для отбелки. Если кто-то сам не мог справиться с уборкой, приглашали соседей или кого-нибудь нанимали. Порошком из тёртого красного кирпича натирали до блеска самовары и другие, латунные и бронзовые изделия, применяемые в быту.

И когда приходил праздник Пасхи, дом воплощал в себе такой уют! От вымытых стен и полов пахло деревом, от свежевыстиранных половиков, принесённых со снега, пахло весной, а лампада у образов излучала трепетный свет. Праздник чувствовался во всем. Некогда пустынные улицы заполнялись молодёжью. Жители Рыбной слободы надевали свои лучшие наряды. Если в семье были молодожёны, то родня мужа всю пасхальную неделю ходила в гости к родне молодой жены. В определённое время открывали колокольни всех церквей, и каждый желающий мог звонить в колокола.

На столах снова была рыба, пироги, творог и молоко.

В последнее воскресение пасхальной недели молодёжь шла окликать молодых. Вот тогда и вспоминали, куда доставляли кареты молодожёнов в Масленицу. Молодёжь становилась под окнами дома, где жили молодожёны и громко начинали петь:

Молодая молодица, Подай наши яйца! Стоят в светлице, В синей солонице! Не подашь яйца, Будешь ветреница! В хлев запру, Помелом заткну, И не выпущу!

И молодая должна была вынести несколько яиц. Если к молодёжи выходил хозяин дома, то пели другую песню:

Ты позволь, позволь хозяин На ново крылечко встать, Молодую величать! Не твоя ли молодая В зеленом саду гуляла, Свежи яблочки снимала, Во зелёно блюдо клала, Всех подружек угощала!

У церкви Василия Великого, где сейчас проходит пер. Свердлова (раньше Рыбный), устраивали в сторону озера специальный желобок и катали яйца. Желающих собиралось всегда много. Смех, шутки, веселье – одно слово праздник.

В Радоницу все жители Рыбной слободы ходили поминать своих умерших родственников на рыбнослободское кладбище – Патрашку.

Первым большим праздником после Пасхи в Рыбной слободе был праздник – Духов день.

К этому дню заканчивались все огородные работы. В Духов день нельзя было трогать Землю, как говорили слобожане — в этот день Земля отдыхает. Отдыхали и люди, славно на ней поработавшие. Духов день наступал вслед за Троицей и для Зачатьевской церкви был престольным праздником. Престол этот распространялся от «Дачи» (от современного сельхозлицея) до Троицкого переулка (ныне ул. Лермонтова).

Духов день был и престольным праздником Галичского соборного ружного храма во имя Преображения

Господня, то есть главного храма города (возле теперешнего хлебозавода), и поэтому отмечался общегородским Крестным ходом. Ещё живы участники этого Крестного хода. По воспоминаниям Марии Васильевны Носовой и Веры Николаевны Сухаревой последний Крестный ход в Духов день прошёл в 1929 г.

Крестный ход начинался с молебна в Преображенском соборе в присутствии всех священников Галича. Под звон колоколов, с церковными песнопениями, с хоругвями и иконами, украшенными берёзовыми веточками и лентами, Крестный ход направлялся в сторону Городского сада, поворачивал вдоль городского вала, переходил реку Кешму и поднимался к винзаводу, ровеснику XX века. В районе винзавода в языческие времена стояло капище богу Яриле (Ярсиле), которому поклонялись галичане – меря.

Затем Крестный ход шёл мимо городского кладбища и по обрезу горы шёл к Балчугу, обходил его и снова по обрезу горы шёл до просёлочной дороги Рыбная — Манылово, мимо рыбновского кладбища — *Патрашки*, спускался к Зачатьевскому монастырю. Церкви: Воскресенская, Вознесенская (Георгиевская), великомученицы Варвары, Никольский собор Староторжского монастыря, Василия

Рис. 17. Крестный ход в Духов день на Галичском озере. Начало XX века.

Великого, Параскевы Пятницы, Зачатья приветствовали Крестный ход звоном колоколов, и от каждого прихода добавляли его участников. У Зачатьевского монастыря снова был молебен, и снова, под звон колоколов, Крестный ход двигался дальше к озеру.

На берегу озера (где сейчас находится насосная водоканала) рыбаки строили большой *плот* — широкий и длинный причал, уходящий вглубь озера. К моменту выхода Крестного хода к озеру у причала уже стояли большие рыбацкие лодки. Молодые, нарядные рыбаки-гребцы уже сидели за вёслами. Священнослужители, участники Крестного хода, переходили в лодки, и далее Крестный ход двигался по воде. Огромное количество лодок и *челнов* со взрослыми и детьми сопровождали его до конечного пункта. Это был причал в конце Богоявленской улицы (теперь ул. Подбельского), где в языческие времена было капище богу Купале, защитнику рыбаков. Далее Крестный ход двигался до Богоявленской церкви, где и заканчивался молебном.

Как только участники Крестного хода отплывали от причала Рыбной слободы, он заполнялся детьми, в основном девочками, которые опускали на воду вслед Крестному ходу венки, много венков и долго смотрели, утонет или нет какой венок. Долгое плаванье венка означало долгую жизнь тому члену семьи, в честь которого венок опускался на воду.

Венки плели девочки. Основанием венка служили берёзовые веточки, которые оплетались весенними луговыми цветами и украшались лентами. Венки плелись в четверг перед Духовым днём. Плелись они на каждого члена семьи. По воспоминаниям Веры Николаевны Сухаревой⁵, девочки в складчину снимали у какой-нибудь бабушки избу для плетения венков. Бабушка ставила им самовар и приготовляла яичницу-глазунью. Деньги дети зарабатывали сами, подряжаясь в няньки или для копки огородов. Ленточки

⁵ Вера Николаевна Сухарева, урождённая Резунова, родилась в 1914 г. Коренная жительница Рыбной слободы. Всю свою жизнь посвятила педагогической работе. Кавалер Ордена Знак Почёта.

для венков собирали по портнихам, коих в Рыбной слободе было предостаточно. Второй день Духова дня начинался с молебна в Зачатьевском монастыре, потом все ходили друг к другу в гости.

В прежние годы, как отмечал В.А. Шевяков [11], по праздникам летним днём на горе за слободою собиралась молодёжь, водили хороводы, заводили игры, пляски. Словом, шло веселье. Это был 1871 г., а уже в 1914 г., по воспоминаниям М. Виноградова [1], хороводы водить перестали. О них остались одни лишь рассказы. Также в область рассказов отошли древние свадебные и похоронные обряды, песни и обычаи. Все они вытеснены новыми, перенятыми в городе или привезёнными из Питера небольшой кучкой отходников.

По воспоминаниям Михаила Михайловича Храмцова, ещё в конце 20-х годов на лужайке, спускающейся от Зачатьевского монастыря к озеру, в Духов день ставили большие качели и «гигантские шаги». На качели усаживалось сразу до десяти девчат; чтобы не раздувались платья, их привязывали платками к ногам. Девушки просили ребят их раскачать, за что те требовали оплаты и если её получали, то сильно раскачивали качели за привязанные к ним верёвки. Тут же устраивали пляски под гармонь и балалайку, играли в лапту. А вечером, на закате солнца, молодёжь и даже люди среднего поколения садились в лодки и с песнями, с шутками устраивали «катанья» вдоль берега. И ещё долго была слышна в вечерних сумерках любимая песня рыбновских жителей «Окрасилось небо багрянцем».

На столах в этот праздник были пироги, студень, рыба заливная, копчёная, жареная и, конечно, щучья икра, посоленная по рыбновскому способу, с зелёным луком и постным маслом.

Летним престольным праздником церкви Василия Великого был Иванов день — 7 июля. Праздник отмечался от Троицкого переулка до Староторжского монастыря. Праздник отмечался так же, как и Духов день, с посещения

Рис. 18. Вязка пятков в Рыбной слободе. 1920 г.

церкви, плясками, катанием на лодках, гостями. В последний, третий день праздника устраивали всеобщее обливание водой.

Даже будние дни слобожане превращали в праздник. Так женщины тёплыми летними вечерами собирались на улицах небольшими кучками вокруг столов, вязали сети, пряли пряжу, вели разговоры и, конечно, пели. Работа шла до полной темноты, пока глаз не переставал видеть сетку. В Рыбной слободе существовали праздники, связанные с производственной деятельностью рыбаков. Это, прежде всего, праздник, посвящённый началу главного осеннего лова — чащёвой, который назывался «молить калачи» и совершался в Спасов день 14 августа (1 августа по старому стилю). Об этом празднике писал в своей книге «Древний город Галич» С. Сытин [4], но наиболее полно отразил в своей работе М. Виноградов [1]. Вот его воспоминания, сделанные в 1914 г.

«Ранним утром 1 августа из города идут одна за другой пары рыбаков и несут на палках корзины с калачами, которые загодя заказывает в городских пекарнях каждая артель. После ранней обедни в трёх слободских церквах, из

слободы в городской собор (Преображенский) направляется крестный ход; в соборе служат позднюю обедню, а после неё всё духовенство, рыбаки и горожане идут к слободе на берег озера, где совершается молебен с водосвятием. После молебна рыбаки собираются поартельно со всеми семейными по избам, и начинают самый обряд. На стол ставят корзину с калачами и вино, у стола на пол кладут «кутеи», т. е. матню невода и все рассаживаются по избе, при чём женщины помещаются в кухне, за перегородкой, а ребята садятся на «кутеи» или на пол. Все минуту сидят молча, потом первым встаёт большак артели, за ним поднимаются остальные и молятся. Первая молитва – «Богородица». Помолившись, снова садятся в молчании и снова встают на молитву. Вторая молитва «Отче наш». После второй молитвы всем раздают калачи, едят, пьют вино, ведут разговоры; в то же время подают калачи нищим, которые в этот день посещают слободу в большом числе. Когда все наедятся и на вопрос старшего – «все ли сыты?», ответят – «все», оставшиеся калачи убирают, опять присаживаются молча и встают, чтобы прочесть благодарственную молитву «за свою хлеб-соль». После третьей молитвы в избе остаются только артельные и семья хозяина избы, прочие уходят. Читают последнюю молитву – псалом 2 «Помилуй мя Боже», оканчивая его словами: «дай Бог святой час». Этим обряд заканчивался и кутец, по обыкновению, выносили из избы. В прежние годы обряд дополнялся ещё тем, что крошили калачи в кутец и с крошками в нем ловили первый день; это было символом удачного лова и важности его для жизни рыбаков. Таково объяснение современных рыбаков, возможно но предположить, что в древности под этим подразумевалась жертва богу воды.

Остаток дня, после окончания обряда, употребляются на последние приготовления к лову, а вечером отправляются артелями в город справлять наступление своего главного лова».

С праздника начинался и зимний лов в Рыбной слободе. Как отмечает С. Сытин [4] в день, когда начинался зимний лов, каждая партия старалась первой попасть на наиболее богатые рыбой места на озере. Для чего старосты с неводами и шестами спешат на лошадях. Кто первый опустит шест в воду, тот и получит право пользоваться большими перед другими выгодами во все времена лова в течение года. Так было в 1905 г.

Но уже в1914 г. этот обряд уступил место другому, менее красочному. Вот как описывает новый обряд М. Виноградов [1].

«На одном из общих собраний происходит делёж некоторых участков озера по артелям. Каждый артельный староста бросает в шапку свою монету, затем называется определённый участок озера, и маленький мальчик вынимает из шапки одну из монет. Чья вынулась монета, той артели принадлежит названное место на всё время зимнего лова».

С Зачатьева дня (с 21 сентября) в Рыбной слободе начинали играть свадьбы. Вот как вспоминает свадьбу своей сестры Анны Михайловны Михаил Михайлович Храмцов.

«Моя сестра Анна Михайловна выходила замуж за сапожника Рогозинникова Михаила Николаевича 21 сентября 1926 г. Выходила по любви, но в то время порядок ещё сохранялся, поэтому за неделю до свадьбы в дом невесты приходила сваха: «у вас товар, у нас купец» — говорила сваха родителям невесты и договаривалась о времени сговора. Свахой была Зоя Ивановна.

На сговор приходили представители жениха. Сам жених и его родители на сговоре не присутствовали. Невесту на сговоре представляли Зоя Ивановна и Софья Ивановна. Ставили самовар, угощали. Зоя Ивановна и Софья Ивановна, применив всё своё красноречие, шутки и прибаутки расхваливали перед представителями жениха невесту. Саму невесту раньше прятали, а сестра просто ушла из дома к подружкам.

Сваха первый раз приходила в субботу, а в воскресение уже был сговор.

В четверг в доме невесты были смотрины. Приходили от жениха человек 12, столько же было и от невесты. Был большой стол. Жаркое с мясом, студень, рыба заливная, пироги со свининой, чтоб родня жениха не обижалась, что плохо приняли, самогонка. На смотринах договаривались о кольцах, о приданом, о венчании и о лошадях.

В субботу привезли приданое к жениху. Командовала Зоя Ивановна. За приданым к невесте ездили дружки жениха. Подружки невесты, которые помогали ей готовить приданое, требуют выкуп. Ведут себя агрессивно, деньги у дружков отнимают.

В воскресение день свадьбы.

Первым к церкви привозят жениха и шаферов. В церкви они ждут приезд невесты.

Невесту одевали подружки, последний раз заплетали ей косы. Потом пришла Зоя Ивановна, принесла поясок из сетки и повязала его на голое тело сестры, напевая при этом молитву и сплёвывая периодически в сторону. Это был рыбацкий оберег.

Жених встречает невесту на паперти церкви. Невеста входит в церковь с опущенной вуалью. В церкви, по отношению к алтарю, жених становится справа, невеста – слева. Соответственно справа становятся гости жениха, их называют «дружки». С левой стороны – гости невесты, их называют «почётные».

Дружки вносят на полотенце образ Богородицы от невесты. После этого вуаль невесты поднимают.

Когда молодые входят в церковь, священник поёт молитву в алтаре. Молитву подпевают певчие — монашки на клиросе. Зажигают паникадило, и начинается само венчание. Священник выходит из алтаря, читается молитва. Во время чтения молитвы шаферы держат над головами жениха и невесты венцы. По окончанию молитвы молодые целуют Крест, и священник объявляет их мужем и женой, надевает

кольца и три раза, взяв молодых за руки, обводит вокруг амвона. Потом подводит к алтарю, молодые ещё раз целуют Крест. У алтаря священник даёт молодым венчальные свечи и снова объявляет их мужем и женой. На этом венчание заканчивается, и священник провожает молодых до выхода из церкви.

Венчалась сестра в Зачатьевской церкви. Родители ни жениха, ни невесты на венчании не присутствовали. Из церкви ехали в дом мужа. Отец жениха встречал новобрачных в холодных сенях и благословлял их Крестом. Если отца у жениха не было, то встречала мать или старший брат хлебом и солью. Поскольку в холодных сенях всегда темно, зажигали керосиновые лампы. Крест первой целовала молодая, а потом молодой муж. После принятия благословения молодые шли прямо в горницу.

Жених на венчании был в черном костюме, при галстуке и чёрных ботинках.

Ну, а потом было застолье. Родня невесты собиралась в доме невесты, родня жениха – в доме жениха. Новобрачный встречал гостей на пороге избы и сажал за стол. Сначала подавали заливную рыбу. Со второй рюмки начинали кричать «горько!». Тамадой была Зоя Ивановна. Острые шутки и прибаутки её были бесконечны. Потом подавали жаркое из русской печи. Нанимали обязательно гармониста. Пели песни. Особо любимыми в то время были «Из-за острова на стрежень», «По Дону гуляет», «Хаз Булат удалой», «Поедем красотка кататься».

На второй день утром брали заслонку от русской печи, колотушку и шли будить молодых. Первую ночь молодые проводили в горнице, При этом родители жениха, его братья и сёстры в эту ночь искали себе ночлег, где придётся.

Посмотреть на свадьбу приходило всегда много народу – смотрящих, поэтому ни окна зашторивать, ни двери закрывать было нельзя. Смотрящие обязательно должны

были стянуть у жениха бутылку водки, иначе жизнь не будет богатой.

На второй день свадьбы смотрины приданого невесты. Приходят все соседи, жених всех должен угостить.

На второй день свадьбы у жениха крадут невесту её подружки. Помню, Анну в сундук спрятали. Жених с дружками долго искали. А свадьба выходит на улицу. Тут уже и все соседи принимают участие. Поют песни, водят хороводы. Я уж забыл, что при хороводах-то пели, вот только несколько слов — «Положу я венок на правое плечо и на левое плечо...» — да, забыл. С песнями ходили вдоль всей улицы.

После свадьбы подружки невесты приходят к ней расплетать косы. Молодые же целую неделю ходят в гости к родителям невесты, где каждый раз собирают стол, а потом ещё целый месяц ходят к родителям невесты на ужин. Вот такие были у нас свадьбы».

На Введеньев день 4 декабря (21 ноября по старому стилю) снова собирались большие беседы, длившиеся неделю.

Перерывы в тяжёлой работе рыбаков были не только в праздники, но и тогда, как все захотят отдохнуть денёк и дать успокоиться рыбе. Вот как пишет об этом М. Виноградов: «это решается обычно молодыми рыбаками, и они рассказывают всем, что у одной артели унесло ветром лодку и завтра она выехать на лов не может. Слух этот, конечно, выдуман, и это известно всем, но раз сказано это, то все остаются, так как, согласно старому обычаю, артели выезжают на лов непременно все и, если одна не может ехать, то должны оставаться и другие. День отдыха посвящается всеобщему пьянству ловцов» [1].

Организация и способы лова рыбы в Галичском озере с конца XVIII до середины XX веков

«Расцвет рыболовства в Рыбной слободе начался с переселения казаков-староверов, призванных Екатериной II для более рационального способа рыбной ловли в Галичском озере. Рыбная слобода стала иметь своё характерное значение — жители её стали рыбопромышленниками, составляющими отдельную корпорацию от прочего населения города» [11]. Появилось правление Рыбной слободы, в котором в оригиналах хранились царские грамоты со времён Великого князя Василия Ивановича и грозного царя Иоанна — до Петра Великого о том, что озеро есть принадлежность города, переданного рыбакам в аренду [4].

Уральские казаки-староверы привезли новые для Галича средства лова: *сети*, *мережи*, уральский невод. Научили галичан делать лодки и *челны*, которые были

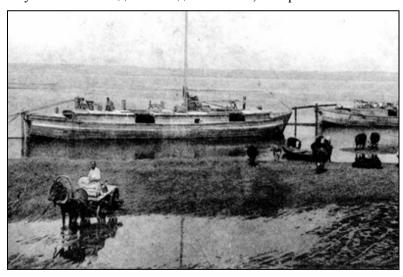

Рис. 19. «Тихвинки» на Галичском озере. 1920 г.

лёгкими, грузоподъёмными, остойчивыми и непотопляемыми, по сравнению с ранее применяемыми галичанами ладожскими соймами.

Ладожские соймы или карбасы повышенной грузоподъёмности стали использовать купцы для перевозки своих товаров по вешним водам. В Галиче такие суда стали называться «Тихвинками».

Казачья лодка, так называемая косная лодка, использовалась в низовьях рек Волги и Урала. Основа этой лодки — долблёное из осины *дно-чёлн*, набитые борта. Рёбра лодки устанавливаются в челне на расстоянии от 0,5 до 1 метра. Нос и корма имеют одинаковое заострение и подняты относительно середины на 0,5 метра. Поднимают груз от 20 до 100 пудов (от 320 до 1600 кг) [15]. Длина такой лодки колебалась от 4,5 до 10 метров.

В 1708 году Галич вошёл в состав Архангельской губернии. Галич был привязан экономически к богатому рыбой Северу. Возможно, в это время могли быть завезены челны для рыбной ловли с реки Сухоны.

Чёлн с реки Сухоны, также как и казачья косная лодка, выдалбливался из толстой осины длиной от 4,5 до 9 метров. Делались борта из сосновых досок, поднимал до 300 пудов (до 4800 кг). Распространён был от Вологды до Архангельска [15].

Искусство строить лодки в Рыбной слободе передавалось от отца к сыну. Искусными последними мастерами-лодочниками в Рыбной слободе были Иван Михайлович Боровков, дом его и сейчас стоит на ул. Гладышева, д. 76 и Николай Васильевич Дьяконов. Дом сохранился и стоит на улице Свердлова, д. 29.

К началу XIX века рыбаки вылавливали до 160 тонн рыбы в год. В это время в Рыбной слободе проживало 400 человек [11].

Рыбная слобода успешно развивалась, на что указывает рост доходов, которые рыбаки вносили в бюджет города. Это были приличные суммы. Например, доход от

Рис. 20. Постройка лодки в Рыбной слободе. 1960 г.

рыбных промыслов в 1903 г. составлял 4,5% от всего бюджета города, а зарплата высококвалифицированного рабочего составляла ≈ 130 рублей в год в ценах 1913 г. [34].

«К 1905 г. в Рыбной слободе жило уже до 2000 человек, из них, исключительно занимающихся рыбным промыслом по Галичскому озеру, существует до 600 семей. Ловля рыбы в озере производится днём и ночью почти круглый год. Ведь это составляет самую необходимую доходную статью и пропитание всей Рыбной слободы. Однако увеличение добычи рыбы сверх её естественного прироста рыбы ведёт к сокращению её запасов» [4].

Это понимали наши предки уже в 1905 году.

С. Сытин отмечает: «Если этот источник доходов прекратится по вине самих потребителей и промышленников – это приведёт к разорению Рыбной слободы. К сожалению, невозможно представить статистических данных по вопросу количества пудов лова за последние несколько лет назад, –

судя по сравнению цен с прежними, рыба продаётся почти вдвое дороже, а народонаселения в Галиче прибавилось немного; это отчасти свидетельствует о явном уменьшении в озере рыбы и, нужно полагать, является последствием опасного хищнического уничтожения — лова мелкой рыбы» [4].

Налог с рыбной ловли (в год)

год	1850	1866	1888	1899	1903
налог,	1200	630	1000	1300	1200
рублей	[8]*	[1]	[1]	[1]	[1]
вылов	160				
рыбы,	[6]				
тонн					
год	1905	1906	1913	1939	
налог,	1000	1200	1200		
рублей	[34]	[1]	[1]		
вылов		свыше	свыше	до	
рыбы,	300	300	300	700	
тонн	[8]	[4]	[4]	[33]	

^{*}В квадратных скобках указан источник информации.

Лов рыбы – это почти всегда коллективный труд.

«Галичские рыбаки для лова делятся на партии, для заведования которыми избираются ежегодно старосты; число человек в партии зависит от величины невода: так при небольшом неводе — 4 человека, при среднем — 12, а при самом большом — 27 человек. Главная забота каждой партии заключается в том, чтобы найти место, где в большом количестве скапливалась рыба, избирающая покойныя логовища для зимовки. Это место заранее узнаётся рыбаками и в тот день, когда начинается лов, каждая партия старается попасть первая на место, для чего старосты с неводами и шестами спешат на лошадях. Кто первый опустит шест в

воду, тот и получит право пользоваться большими перед другими выгодами во все времена лова в течение года» [4].

Процесс лова рыбы в XVIII — XX веках был неразрывно связан с религиозными обрядами. Без них не начинался ни один вид лова. Эти обычаи сохранились в полном объёме до конца 20-х годов XX века, а затем, уже в урезанном виде, до 60-х годов XX века. К таким обрядам можно отнести начало самого продуктивного лова в Рыбной слободе — чащёвую. Это лов рыбы большим неводом и начало производства вандыша.

Партия (артель) рыбаков для этого лова строила плот, который обязательно освящал священник. Священника привозили на лодке. *Чащёвая* всегда начиналась 14 августа (1 августа по старому стилю) в праздник Спаса на воде (иногда его называли Мокрый Спас или Медовый). Вот как описывает начало *чащёвой* С. Сытин в начале XX века.

«Партия, приготовивши для ловли невод, накануне 1 числа сходится и покупает лоток калачей, который относится во двор к старосте партии, куда зовут друг друга таким образом: «Приходите калачи молить». Когда все соберутся, тогда высыпают калачи в нос невода (в кутец - прим. авт.), зажигают перед образом свечу и, помолившись Богу, садятся, ломают калачи и дают всем присутствующим, хотя бы были между ними и не принадлежащие к их партии; между прочим, здесь строго следят, чтобы кто-нибудь из пришедших не унёс малейшего куска в свой дом, для чего предупреждают: «Сколько хочешь ешь, а домой не носи». На другой день, 1 числа рано утром, собираются в другой раз, поздравляют друг друга с началом лова, покупают водки и пьют за здравие и благополучие домашних: с началом зари все рыболовы известной партии уезжают на озеро, и если первый лов удачен, то надеются, что в продолжение года будут иметь лов обильный и благополучный».[4]

В XIX веке в среде жителей Рыбной слободы начал складываться комплекс взаимоотношений между рыбодобытчиками и людьми, которые реализовывали рыбу,

шили для рыбаков сапоги и одежду, изготовляли лодки, снабжали огородным инвентарём и т. п. Причём следует отметить, что все эти люди не были пришлыми, а выделились из рядов самих же рыбаков.

Это можно проследить, например, на родословной по материнской линии одного из родов Сотниковых, восстановленной Н. В. Сотниковым.

Имя основателя рода казака-старовера Сотникова неизвестно, но одного из его внуков, родившегося в 1835 году, звали Алексей (возможно, в честь деда). Был он рыбак и жил со своей женой Афанасьей в Троицком переулке (теперь ул. Лермонтова) недалеко от озера. Было у них шестеро детей; из них Михаил Алексеевич стал рыбаком, Василий Алексеевич — купцом, Иван Алексеевич — маляромотходником, Ефим Алексеевич стал одним из первых авиаторов и участвовал в I Мировой войне.

Василий Алексеевич и Михаил Алексеевич построили свои дома рядом, чтобы была возможность помогать друг другу. Эти дома и сейчас стоят на улице Гладышева, дом 14 и дом 16.

Михаил Алексеевич погиб в I Мировую войну, а Василия Алексеевича вместе с семьёй репрессировали в начале 30-х годов XX века. У Василия Алексеевича было пятеро детей. Судьба их неизвестна.

Дети Михаила и Ивана стали рыбаками, сапожниками, жёнами рыбаков.

К середине XIX века из рода казака-старовера Храмцова вышли сапожники. Из другого рода Сотниковых – перекупщики, или как их называли в Рыбной слободе, люди, занимающиеся извозом. Эти люди держали лошадей, скупали у рыбаков оптом рыбу, делали её первичную обработку (в основном солили), скупали вандыш, а затем по зимникам обозами везли всё это на ярмарки во все уголки Костромской губернии, привозя обратно в Галич кожи, овёс для рыбацких лошадей, лён для изготовления сетей и т. п.

Весь этот механизм производственных отношений работал слаженно, опираясь в основном на семейный подряд, редко применяя наёмную силу, давал прибыль всем – и самим рыбакам, и городу.

Не потому ли уже в XIX веке жителей Рыбной слободы стали называть фараонами? То ли потому, что все рыбаки жили зажиточно (они относились к мещанскому сословию, т.е. к среднему классу), то ли по домострою, где глава семьи, как Египетский фараон, управлял своим родом. А может быть по аналогии с полицейскими, у которых была кличка «фараоны», поскольку казаки всегда были на службе у Отечества, охраняли его границы. И вызывает улыбку байка, рассказанная заезжим журналистом Г. Б. Комраковым из «Советской России» в 1977 г.: «Даже в отношении друг к другу у них (у рыбаков) издавна сквозило некоторое пренебрежение; часто называли друг друга по кличке, а не по имени. Сто лет назад бедный слобожанин вышел на улицу в единственной у него красной рубахе, и вот уже в третьем поколении в насмешку кличут «Богатый»» [32].

Это в то время, когда мерилом достатка в семьях рыбаков был жемчуг, о чём уже говорилось выше, а клички появились для того, чтобы как-то отличать друг друга в одинаковости фамилий и имён. Причём по кличке называли рыбака только при наведении какой-то справки; с самим же рыбаком при разговоре всегда называли его по имени и отчеству. Прозвища (клички) часто передавались по наследству. Рыбаки относились к ним как к должному, облегчающему их жизнь.

Способы лова рыбы. Весенний пов.

Способы лова рыбы в Рыбной слободе были описаны С. Г. Вельмусом и И. Ф. Правдиным ещё в 1921 году [13]. Так ловили рыбу с конца XVIII века и до 60-х годов XX века.

Способы лова рыбы, их цикличность и организацию подробно описал так же и М. Виноградов в 1914 г. [1].

И только в 70-х годах XX века, когда появились капроновые невода, вместо 3-х стенных сетей — сети-путанки, начали меняться способы лова и их организация, но к этому времени рыбаки ушли из Рыбной слободы, рыбколхоз перебазировался на р. Чёлсму, а сама слобода стала частью города, именуемой в народе «Калинкой».

С наступлением весны и появлением первых закраин на озере рыбаки начинают готовиться к весеннему лову рыбы, починяют старые κp ылёны и готовят новые.

Главная ловля *крылёнами*, когда нерестующая рыба ходит по мелким местам у берегов и по заливным лугам. Ещё лёд на озере, а рыбаки-*крылёнщики* развозят *крылёны* в различные части озера (на свои угоды), завозят и рыбацкие челны, поскольку без них ставить *верени* и *крылёны* невозможно.

Вереня — конусообразная сетка, натянутая на пяти обручах «лучках», с 2 или 3 горлами внутри. Длина от 1,8 до 2,2 метров. Диаметр первого обруча 72-85 см — последнего обруча 54-63 см. Ячейки у вершины конуса 2,2 см, считая по нитке, у основания — 3,3 см.

Если к большому обручу пришивали крылья, то вереня называлась κ рылёной. Длина крыла составляла — 108 см, высота — 75 см.

Крылёны ставили по 4, 6 [или] 8 штук друг против друга. Рыбаки-крылёнщики имели от 30 до 100 штук *крылён*. Попадает [в них] щука, язи, подлещики. Ставят на лугах, вдоль берегов и у устьев рек. *Крылёны* часто ломало льдом.

После нереста щуки *крылёны* ставили вдоль берега для ловли леща и сорожки.

В тихие ясные дни, когда вода на пожнях стоит неподвижно, бьют острогой щуку на *челнах*. Били и ночью с «лучом», зажигая смольё.

С вскрытием озера начинался лов неводком, длиной от 31,5 метра до 84 метров с ячейкой по нитке 1,1 см. Ловят артельно по 4 человека с двух лодок, большей частью на мелких местах. Попадается лещ, щука, сорога.

Лов малоприбыльный. Число артелей невелико.

Лов «концом». Рыбаки-концевики, то есть те, которые ловят рыбу трёхстенной сетью на два конца, весной «сашат» везде. Сашат тычкой (шест с утолщением на конце, которое имеет паз под верёвку - прим. авт.) сначала снаружи к сети, а потом изнутри от середины к сети. Ловят, где торчит старый «городок» (камыш) или трава.

Сети. Сети всегда были трёхстенные. Средняя сетка (полотенце) вяжется из хорошего чёсаного льна; боковые стенки называются *«ряжом»*, вяжутся из конопли, но могут быть и льняными.

Полотенца заплетаются с ячеёй по нитке: «на палец» — 1,1 см, «на два слабо» — 2,2 см, «на три пальца слабо» — 3,3 см. Иногда вяжутся «на два пальца туго» и «на три пальца туго». Длина полотенца на два конца — 31-32,5 метра. При насадке 17 метров усаживается, поэтому длина насаженной сети от 14 до 15,5 метров.

У *ряжа* ячейка по нитке от 11,1 до 15,5 см. Сеть натягивается на тонкие и хорошего качества мочальные верёвки (из липового лыка – прим. авт.).

Грузила на нижней верёвке — κ атыши, по верхней верёвке через одно колено навёртываются берестяные $\partial y \partial \kappa u$, которые и плавят сеть, не давая лечь на дно.

Сеть длиной до 8,8 метров называется *мерёжкой*. Высота её от 71 до 106 см. Высота сетей до 177 см.

Лов стуликами. *Стулики* устанавливаются в произвольных местах, вдоль берега, в устьях рек. *Стулик* –

Рис. 21. Лов рыбы колотом. 20-е годы XX века.

рыболовная снасть, близкая к кубической форме, из ивовых прутьев, обтянутая сеткой. С одной стороны для входа рыбы делается коническое горло. Ячейка по нитке 1,1-2,2 см. Длина *стулика* 40-63 см, ширина до 63 см, высота до 45 см.

Лов колотом или колотя. Начиная с весны, и всё лето ловят «колотом». 10-12 мерёжек связываются вместе, получается сеть длиной до 100 метров. Ловят всегда двое, рыбак и подросток на вёслах. Детей приучали к этому виду лова уже с 10 лет.

Сеть выкидывается вытянутым полукружием недалеко от берега или близ островков озёрной травы. Рыбак пугает рыбу, колотя колотушкой по сосновой доске или по борту лодки. Сеть выбирается в жёлоб, который устанавливался поперёк лодки.

Прежде чем сесть в *чёлн*, рыбаки поворачивались в сторону озера, молились, прося у Бога хорошей погоды и доброго улова, трижды осеняли себя крестом, кланялись, после чего садились в лодку.

Отчалив от берега, рыбак, что сидел в корме, начинал отбивать «дроби» по *набое* (борту лодки) и в такт петь:

«Тугарики, тугарики! Наколоты на ушку, Поймать бы нам лягушку,

Лягушку, лягушку!»

Песня была длинной. К сожалению, к настоящему времени всех её слов никто не помнит.

Лов вандой. Это лов рыбы большим *саком*, который устанавливали посередине прохода в *«заколах»*, перегораживающих реки.

Повля сорожки саком. Ловят вдвоём, один на вёслах. $Ca\kappa$ — это конусная сеть, натянутая на обруч диаметром до 3-4 метров. Высота конуса сетки до 3 метров. Челнок подъезжает к тростеникам, брошенным недалеко от берега, и рыбак быстро подводит сак под тростеник и встряхивает его; сидящий на вёслах сразу же начинает грести прочь. Сак вытаскивается, рыба вытряхивается в лодку. Едут к следующему тростенику. Через 2-3 часа возвращаются к первому. Рыбы вылавливается очень много. Во время нереста двое рыбаков могут наловить до 1,6 тонн рыбы.

Лов леща. Леща ловят *крылёнами*, размером большим, чем для ловли щуки и язя.

Лов густёры. После нереста сорожки начинает ходить густёра. Густёру ловят *крылёнами* или обставляют сетями то место, где она больше плещется. С окончанием нереста рыбы кончается весенний лов.

Весенняя пауза в рыбной ловле в Рыбной слободе.

С окончанием нереста рыбы все жители Рыбной слободы переключаются на огороды. *Гатят* после ледохода огуречники, устраивают новые *тыны* (изгороди) взамен сломанных льдом, делают *лунки* и заготовляют *лыву*.

Огородничество было второй доходной статьёй после рыбной ловли в Рыбной слободе. Оно стало интенсивно развиваться с появлением казаков-староверов, поскольку Яицкие казаки-староверы привезли этот вид хозяйственной деятельности в Рыбную слободу. Особенно быстро оно начало развиваться со второй половины XIX века, когда уловы рыбаков стали падать. В результате, как отмечает М. Виноградов, «падения уловов, увеличения жителей в Рыбной слободе заставило обратить внимание слобожан на плодородность почвы берега озера, на его растительность и в результате появилось в Рыбной слободе развитие огородов и животноводства на базе растущих в озере трав на корм скоту. За последние 10 лет слободские огороды развились очень сильно и теперь служат значительным подспорьем в бюджете рыбака, особенно в летние месяцы, свободные от лова» [1].

Каждый дом, расположенный на Набережной улице Рыбной слободы, обладал огородом-огуречником оригинального устройства. Вот как пишет об этом М. Виноградов, посетивший Рыбную слободу в 1914 г. [1].

«На некотором расстоянии от берега в дно озера вбиваются ряд высоких свай; их основания переплетаются и обкладываются ельником; таким образом, получается плотная и крепкая гать, которая немного выдаётся своей верхушкой над весенним уровнем озёрной воды. Пространство от гати до берега, и часть берега заваливаются хворостом, на который сверху накладывается слой чернозема около 1/4 аршина (17 см) толщиною; получается сооружение с горизонтальной поверхностью, очень плодородной почвы и присутствием воды под ней. На черноземе делаются из навоза лунки, внутрь которых насыпается лыва, т. е. растительный

перегной, добываемый со дна озера неподалеку от берега, куда его намывает волнами; в *лыву* садятся огуречная рассада. Весь огуречник обносится плетнём из распустившихся берёзок, а молодая рассада прикрывается первое время соломенными или стеклянными щитками от морозов и слишком сильного солнечного жара».

Огородом занимались все, от мала до велика. Рыбная слобода была поставщиком на рынок огурцов, капусты и лука. По весне продавали большое количество капустной рассады.

Все огородные работы были привязаны к церковному календарю. Огородные работы начинались на Егория (6 мая) и заканчивались на Троицу. Считалось большим грехом не управиться с посадкой огорода «до поворота», то есть до Троицы.

К 18 мая, крайний срок на Николу (22 мая), сажали лук, а числа 25 мая начинали делать *лунки*. Число *лунок* у рыбаков доходило до полутора сотен. Как правило, каждый

Рис. 22. Восстановление огуречника после весеннего ледохода. 1950 г.

старался сделать все *пунки* в своём огуречнике в один день, поэтому приглашались родственники и даже соседи в помощь. Женщины «крутили» *пунки*, мужчины возили и таскали навоз, ездили за *пывой*. Ежегодно десятки тонн *пывы* жители Рыбной слободы вычерпывали на свои огороды со дна озера, десятки тонн прошлогодней травы и водорослей доставалось из озера для *гати* огуречников. Обычного типа огороды располагались на собственной или арендованной у города земле. Здесь сажали картофель и другие овощи, в качестве удобрения использовали навоз вперемешку с *пывой*. Продажей *пывы* занимались рыбаки. Цена *пывы*, например, до революции 1917 г. составляла 1,5-2 рубля в ценах 1913 г.

Весенняя пауза в рыбной ловле заканчивалась большим престольным праздником Зачатьевского прихода — Духовым днём. Этот праздник совпадал с общегородским торжеством и заканчивался Крестным ходом вокруг города. Рыбаки принимали в нем деятельное участие.

Рис. 23. Изготовление *лунок* в Рыбной слободе. 20-е голы XX века.

Летний лов

Когда прорежутся хвощи и щука побежит в них, ловят «на глазок» мерёжами или сетями на два конца. Такой лов называется «гонильным», то есть рыбак на глазок определяет, где щука, а затем быстро и бесшумно подъезжает (гонится) к тому месту и закидывает сеть. Чтобы таким образом наловить достаточно рыбы нужен большой опыт и сноровка.

Пов волоковыми сетями. Длина волоковой сети от 60 до 100 метров. Высота до 2,1 метров. Ловят на двух лодках. Сеть тянут за верёвки (*слабь*). К нижней верёвке сети привязывают грузы (*опоки*), изготовляемые из известкового камня или красного кирпича. Разновидностью волоковой сети является бредень.

Вслед за волоками выезжает воротница.

Лов воротницей. Воротница — это сеть длиной около 100 метров. К одному концу её пришивается «кутчик» — мешок из сетки. В 30-х годах XX века кутчик стали называть притоном. Ловят воротницей с одной лодки артельно в 4 человека. При ловле воротницей выбрасывается конец сети с кутчиком, который обозначается поплавком — «наплавом»; лодка выбрасывает остальную сеть, объезжая кругом островок травы, которую желают проловить; затем лодка цепляется за наплав кутчика, и двое рыбаков начинают тянуть сеть, третий «ботает» у лодки, чтобы рыба не выплыла из круга в этом месте, а четвёртый, сидя на корме, управляет движением лодки. Рыба частью входит в саму сеть, частью попадает в кутчик. Лов воротницей считается изобретением Галичских рыбаков.

Летняя пауза в ловле рыбы в Рыбной слободе.

С 1 июля по старому стилю (14 июля по новому стилю) в Рыбной слободе начинался сенокос. Этот срок выдерживался до революции 1917 г. С организацией рыболовецкого колхоза начало сенокоса сдвинули, и он стал начинаться с 21 июля, с «Казанской». Так как рыбаки не имели своих лугов, а откупать их у города или крестьян невыгодно, то на корм скоту употреблялись озёрные травы, которыми слобожане имели право пользоваться согласно договору с городом.

В это время лов рыбы приостанавливался, рыбаки заготовляли сено для своего скота, а впоследствии и для колхозных лошадей. Начало сенокоса обставлялось всегда торжественно. С вечера готовили лодки, косы, серпы, сапоги – весь прочий инвентарь, нужный для покоса. И вот наступало раннее утро. Десятки лодок, кто быстрее, устремлялись в реки, чтобы занять кусочек заболоченного берега в устьях рек. Это была всегда впечатляющая регата. Бывали случаи, когда на один и тот же кусочек суши устремлялось несколько

Рис. 24. Сушка сетей. Начало XX века.

лодок. И тогда в соревнование вступали косцы. У кого шире захват, кто сноровистее, или у кого больше косцов в семье, тот и получал больший кусочек суши, на котором потом можно было сушить сено и поставить стог. Этот процесс в Рыбной слободе назывался — «занимать островки». В первый день сенокоса все рыбаки отправлялись на покос одновременно, никто не хитрил, не уезжал раньше, и так длилось до 50-х годов XX века. И только после этих лет стали появляться «удальцы», которые занимали понравившиеся луговины с вечера, но косить начинали только с появлением первых лодок, чтобы не впасть в немилость рыбаков.

С конца июня в озере разрастаются многочисленные травы, из которых в качестве сена берут только хвощ и *тресту* (так в Рыбной слободе называли тростник). Так как хвощ растёт у самых берегов и стебель его травянист по всей длине, то его жнут серпом стоя по пояс, а то и по грудь в воде, срезая стебель как можно ближе к корню; у тростника срезают серпом с лодки только верхнюю, более мягкую часть стебля.

В сенокос все улицы Рыбной слободы покрывались хвощём и *трестой*. Воздух пропитывался ароматами травы, воды, водорослей. Каждый шаг сопровождался лёгким потрескиванием хвоща. Сено сушили не в жаркий полдень, а утром и вечером, благодаря чему жёсткие стебли травы не высыхали чрезмерно, а лишь подвяливались.

До революции 1917 г. продажа сена давала некоторый доход рыбакам: лодка сена стоила 2-3 руб. в ценах 1913 г., смотря по урожаю луговых трав.

Стадо коров в Рыбной слободе было большое, более 200 голов. Оно просуществовало до 60-х годов XX века, когда по решению местных властей у рыбаков отобрали выгон на Баягах. Сейчас на этом месте находятся коллективные сады. Содержание стада помогало озеру. Если принять, что в среднем на корову рыбаки заготавливали свыше 80 пудов сухого сена, принять коэффициент усушки ≈ 0.6 , то не трудно подсчитать, сколько же хвощей и

тростника выжиналось и выкашивалось из озера за один сенокос. Получается впечатляющая цифра - свыше 23000 пудов. Так жители Рыбной слободы обеспечивали чистоту озера, делая доброе дело для себя. Сенокос заканчивался на Мокрый Спас.

Во время сенокоса рыбаки по мере возможности выезжали ловить колотом и воротницей.

Ловля неводом в «чащёвую». Лов рыбы всегда начинался 14 августа в Мокрый (или Медовый) Спас и продолжался до заморозков.

Чащёвый невод состоит из двух крыльев. Крылья сшиваются из «пятков». Пятки имеют длину 14,7 метра, а в вышину 83 см или 65 ячей. Размер ячеи по нитке — 1,1 см. Артель состоит из 6 человек. Каждый из них даёт по 18 пятков, 16 из которых по 4 сшиваются друг над другом, получается полотнище в 59 метров в длину и 355 см в высоту. Оставшиеся 2 пятка разрезаются вдоль пополам и образуют «пояски», которыми увеличивается вышина крыльев невода у кутца (мотни). Длина крыльев — 202-227 метров.

Кутец (мотня) сшивается из 10 кусков чащи, то есть полотенец с ячейкой по нитке 0,6 см. Длина каждого куска 8,4 метра, вышина 80 ячей или 89 см. Сшиваются две стенки по пяти рядов в вышину и длиной 8,4 метра. Верхняя и нижняя стороны на протяжении около 4,2 метра соединяются с верёвками невода, а передними боковыми сторонами кутец сшивается с крыльями. Насаживается невод на лыковые верёвки, называемые «ужицами», зимой на конопляные. Для насадки невода вяжется «опушка» из тонкой бечёвки в два ряда, с крупной ячеёй, причём в верхней ячее пропускается ужица, а к нижней пришивается сам невод по четыре ячеи невода на каждую ячею опушки. На верхней ужице на расстоянии 40-60 см друг от друга крепятся еловые поплавки — «кебасья». На нижнюю ужицу ставятся опоки (грузы). В середину невода ставился Т-образный поплавок «Атаман».

Пятки для сетей жители Рыбной слободы изготовляли сами; в начале 1900 г., как пишет М.Виноградов,

часть сетей привозилась из г. Котельнича (Вятской губ.) [1], но это в то время было экономически невыгодно. Сети вязались из пеньковой, реже из льняной пряжи. Пенька в начале XX века ценилась от 20 до 23 коп. за фунт (50-57,5 коп. за килограмм). Почти все рыбаки пользовались пятками, связанными их жёнами и дочерьми, и редко покупали сети. На продажу вязали лишь те женщины, в семьях которых не было мужчин: вдовы, девушки сироты. Для них это был заработок, но незначительный. За целый день работы женщины едва зарабатывали 20 коп. [1].

После насадки невод красили. Для этого в большом котле вываривали кору ольхи (*елоховое* корьё), потом опускали в котёл невод и добавляли древесной золы. Невод при этом становился более водостойким.

До 1917 г. чащёвый невод стоил 350 руб. [13].

При ловле неводом рыбаки надевают кожаные, конского товара, передники и «закрывала», высокие сапоги и

Рис. 25. Лов рыбы *чащёвым* неводом. Начало XX века.

под передник балахоны из *новины*. На ладони, от натиров, накладывают куски кожи — «наладонники». Рукава до локтя обёртывают кусками кожи и завязывают бечёвкой.

С конца 50-х годов XX века из-за бедности, вместо кожаных передников и *закрывал*, колхоз выдавал рыбакам сшитые из оранжевой клеёнки нарукавники и передники, а вместо наладонников – рабочие рукавицы, которые быстро намокали.

Ловля ведётся артельно по 6 человек с двух лодок, по три человека в каждой. При закладывании «тони» лодки, стоящие рядом и имеющие по половине невода, начинают разъезжаться в стороны полукругом, а кормщики обеими руками выбрасывают невод из лодок. Затем, когда невод весь выкидан, намотанная на ворот слабь раскручиваться, и лодки съезжаются вместе. Один из гребцов втыкает в дно озера длинный шест, к которому привязывается лодка, а затем обе лодки соединяются вместе особой деревянной перекладиной – «перешвой» (в последние годы её называют лавицей); в то же время гребцы воротами начинают выбирать слабь и подтягивать невод. Когда концы крыльев невода подойдут к лодкам, кормщики цепляют их за кормовую доску, а гребцы ослабляют носовую привязь, чтобы облегчить вытаскивание невода. Затем все начинают тянуть невод – двое нижнюю верёвку, а третий – верхнюю. Когда кутец начинает подводиться к лодкам, крылья невода вводят между лодками и тянут невод одни гребцы, а кормщики особыми вилками прижимают к дну нижнюю верёвку, чтобы рыба не ушла из-под неё. Это делает труд по вытягиванию невода ещё тяжелее. Когда кутец подойдёт к самим лодкам, его частично вытягивают в лодки, а средняя часть в виде мешка висит между лодками. Невод чистят от водорослей и ракушек, выбирают рыбу.

Средний улов в день при ловле *чащёвым* неводом в начале XX века составлял 10-12 ведёр на человека, на всю артель 60-72 ведра, что составляло 600-720 килограммов ерша и малька [10].

Рис. 26. Лов рыбы *чащёвым* неводом. 50-е годы XX века.

Изготовление вандыша.

Вандыш — это слово было знакомо каждому жителю Рыбной слободы с детства. Этим словом назывался ёрш — маленькая колючая рыбка, в больших количествах водящаяся в Галичском озере, приготовленная по особой технологии.

Вандыш сушили в специальных печах — *пешнях*. К 1932 году в Рыбной слободе насчитывалось более 60 пешен.

Печь-пешня выкладывалась в рубленом сарае, размерами в плане 4х6 аршин (2,84х4,27 м²), под тесовой крышей. Внутренняя высота свода пешни составляла 1,5 арш. (1,06 м). Сруб защищал печь от атмосферных осадков и дополнительно сохранял тепло стен печи. Со стороны шестка стена сруба отсутствовала. Полезная площадь пода пешни составляла примерно 18 кв. арш. (9,1 м²). Свод пешни и толщина стен были сконструированы так, что всё тепло от сгорания дров концентрировалось на поду пешни с минимальными потерями. Под пешни делался из красного кирпича и покрывался слоем глины с ровной, почти зеркальной поверхностью (или делался полностью глинобитным), и имел небольшой уклон к челу (иногда называли ротком), то есть к входу в печь. Высота чела была

12 вершков (53,5 см), ширина — 13 вершков (57,9 см). Перед челом делали шесток — площадку для удобства обслуживания печи. В *поду* для большей теплоёмкости укладывали большие камни-валуны, коих было много по берегу озера. Сверху на свод печи насыпали толстый (до 50 см) слой песка.

При такой конструкции при сжигании ≈ 0.5 куб. метров берёзовых дров (20 поленьев длиной в 1 м), температура внутри печи достигала 300-350 C^0 , и тепло сохранялось более суток; при этом стены печи оставались холодными, поэтому пешни часто строили во дворе в нескольких метрах от дома. Например, пешня у Василия Николаевича Сотникова стояла в 1,5 метрах от дома (улица Набережная, дом 125).

Технологический цикл получения *вандыша* начинался с закладки дров в *пешню*. Дрова заготовляли артельно. После организации колхоза, функция по заготовке перешла к нему.

Рис. 27. Печь (nешня) для сушки вандыша. Начало XX века.

Пешни топили, как правило, только берёзовыми дровами. В печь закладывалось 18-20 метровых поленьев двумя клетками. Растопкой пешен занимались женщины. Пешня топилась от 3 до 3,5 часов. К этому времени у пешни собирались женщины и дети всех близ стоящих домов. Несли чугунки с картошкой, сковороды с рыбой. Всё это варилось и жарилось, пока в пешне горели дрова. Ребятишки готовили картошку, чтобы, когда придёт их время, быстро её испечь. Собираются кошки и собаки в надежде, что и им что-то достанется от сортировки только что выгребенного из пешни перед загрузкой дров вандыша. Женщины начинали делить его по паям, складывая в высокие кузова. Вся округа заполнялась пьянящим запахом вандыша.

Но вот дрова прогорели. Женщины длинными кочергами разгребают равномерно по всему $no\partial y$ жаркие угли. Наступает время печь картошку. От пышущего жара картошка печётся быстро, и ребятишки только успевают вытаскивать её из углей.

К этому времени возвращаются с рыбной ловли рыбаки. На плоту рыба разбирается. На *вандыш* отбирают только ершей. Отобранная рыба укладывается в большие корзины килограмм по 35-40.

К этому времени *под пешни* чисто подметается берёзовым веником, смоченным водой. Веник на длинной палке назывался *помелом*. Оставшиеся угли сгребаются в левый передний угол *пешни*, который называется *«жароток»*. Начинается *«садка» пешни*, то есть загрузка её рыбой. Обычно это происходило в 19 часов. Загружалось 5 корзин рыбы. Корзины отправлялись в пешню *сошкой*, длинной палкой с сучком на конце. Рыба разравнивалась деревянными граблями. К этому времени внутри пешни температура достигала до 350 С⁰. При такой температуре происходит быстрое выпаривание воды и слизи. То, что не успело превратиться в пар, как капли ртути, скатывается по наклонному *поду* из печи наружу. Пока из печи валит пар, заслонку не закрывают, дают возможность всей влаге выйти

из *пешни*, после этого *чело* закрывают заслонкой. Работают две женщины. На всю операцию уходит 20 минут.

Рыба в пешне остаётся до 5 часов утра.

Утром женщины снова собираются у *пешни*; одна из них надевает на себя ватные брюки, валенки, телогрейку, заматывает голову несколькими платками, оставляя лишь щёлочки для глаз, и лезет в печь, чтобы перевернуть *вандыш* на другую сторону.

К этому времени температура в пешне падает до 80- $100~{\rm C}^0$. Женщина предварительно разгребает себе дорогу тонкой металлической лопатой — «подымалкой» на длинном черне, двигаясь в глубь печи, а затем, двигаясь спиной вперёд, переворачивает весь слой вандыша. Вся операция занимала минут 15, но требовала большой сноровки и здоровья.

Затем вандыш оставляли «доходить» в пешне до 3-4 часов вечера, чтобы после выемки вандыша из пешни снова загрузить в неё дрова и повторить весь цикл снова.

Благодаря быстрому обезвоживанию при высокой температуре, рыба не спекалась, ерши становились желтовато-золотистого цвета, рыбий жир кристаллизовался, сохранялся запах свежей рыбы, воды и водорослей. Такая рыба могла храниться годами в сухом помещении при любой температуре. И в каждой рыбацкой семье, где-нибудь в уголке на печи или на полатях, стоял кузовок, в котором никогда не заканчивался вандыш.

Суп, сваренный из вандыша, по своим вкусовым качествам соответствовал ухе, сваренной из свежих ершей.

В Рыбной слободе вандыш был двух видов – весенний и осенний. Весенний вандыш рыбаки называли «деревянным». Ерш, выловленный во время весеннего нереста, не обладал теми вкусовыми качествами, что выловленный в чашёвую.

Весенний вандыш шёл в основном на продажу, себе же рыбаки оставляли осенний.

О технологии производства *вандыша* рассказали старожилы Рыбной слободы, которые многие годы занимались сушкой его в *пешнях*, — Сотникова Мария Михайловна⁶, 1909 г. рождения и Носова Мария Васильевна, 1914 г. рождения.

Bандыш был одним из важных продуктов торговли в Галиче.

Цена вандыша, по данным С. Сытина, была довольно значительная — от 10 до 15 копеек за фунт [2], то есть 25-38 коп. за 1 килограмм, при заработке высококвалифицированного рабочего в среднем 10 рублей в месяц в ценах 1913 г.

Производство вандыша в пешнях прекратилось в 50-х годах XX века после того, как в церкви Святых Богоотец Иоакима и Анны Зачатьевского монастыря была устроена механизированная сушилка для рыбы. В народе это предприятие сразу же окрестили «сушилка-гноилка». Продукт, который получали в этой сушилке, шёл на изготовление рыбных консервов и рыбной муки на корм скоту. А пешни рыбаки переделали в бани и сараи, изготовляя для себя вандыш в русских печах.

_

В начале XX века для лова рыбы зимой в Рыбной слободе образовывалось 6 артелей. В артель входило 14-15 человек [13].

Первоначально, пока не окреп лёд, рыбу ловят недалеко от берега.

Для изготовления зимнего невода каждый член артели даёт по 2 провяза сетки размером 8,4 м «по саду», то есть с учётом длины на усадку при изготовлении невода, высотою около 355 см с ячеёй 2,2 см. Длина невода достигает 219 м, грузы и поплавки, что и у летнего невода.

Дробные числа размеров сетей получились при переводе старых мер (аршина, сажени, вершка) в метрическую систему.

Лов идёт следующим образом. Делают прорубь 70х178 см, называемую «подспуск». Затем на расстоянии приблизительно 1,1 метра друг от друга вправо и влево пробивают по 5 малых прорубей с уклоном вперёд по направлению тони. Средняя из этих прорубей называется «выманьем», последняя «ушкой». От ушки, в сторону направления тони, прорубается ещё по 15 прорубей с каждой стороны - последняя прорубь называется «бережное ухо». Напротив подспуска бьют прорубь, которая называется «матишной». Её размер 140х178 см. Верёвки от крыльев длиной 25 метров протаскивают от лунки к лунке плоским шестом длиной до 14 метров — «вилками». Вся длина тони 158х53 метра.

Все рыбаки артели выполняли определённую работу и по ней назывались:

спускающие невод – *задавальшики*; прорубающие прорубь – *пешельники*; протягивающие прут – *жердевики*; тянущие невод – *лямочники*; морозящие рыбу – *саковики*.

⁶ Сотникова Мария Михайловна, 1909 г. рождения. Коренная жительница Рыбной слободы из рода казаков-староверов Сотниковых. В совершенстве владела всеми видами переработки рыбы. Умерла в 1995 г.

Рис. 28. Лов рыбы зимним неводом. Начало XX века

Рыбаки для ловли надевали конской кожи рукавицы, хорошо смазанные дёгтем, на ноги — высокие кожаные сапоги. В рукавицы и в сапоги закладывали сено для тепла. В случае попадания воды сено легко было заменить. Каждая артель должна была иметь 4 лошади. Они обычно покупались рыбаками осенью и продавались весной с окончанием зимнего лова. Лошади содержались какими-либо четырьмя членами артели, за что получали три пая при делении улова — один на себя, два на лошадь.

Выезжая на лов, вся артель едет раз заведённым порядком; сначала *пешельники* и *жердевики*, затем на двух лошадях — *лямочники*, и на последней — *задавальшики* с неводом. Обратно все идут пешком, так как приходится везти рыбу и мокрый невод. Летом невод сушили на *сохах*, а зимой вымораживали, расстилая на снегу, а затем вывешивали на забор в Рыбной слободе или оставляли в проруби до следующего лова. При хорошей погоде выезжали 3-4 раза в неделю.

Те, кто не ловил неводом зимой, ходили чистить канавы и устраивать «борозды». От реки в озеро копали до 20 канав. Каждая артель по жребию получала по две канавы. От устья реки в озеро прорубалась узкая борозда шириной до 1 метра, которая потом в нескольких метрах от берега разделялась на две, длиной иногда до 1 км. Расстояние между

Рис. 29. Лов рыбы зимним неводом. 50-е годы XX века.

концами борозд составляло 100-200 метров. Всю зиму канавы и борозды чистились ото льда. Всю зиму в борозды ставили стулики.

Так жила Рыбная слобода до начала коллективизации, до 1930 года.

Все вышеперечисленные рыболовные снасти и организация лова просуществовали до 70-х годов XX века. Исключением стал лов острогой и вандой, признанные браконьерскими. С организацией рыбколхоза рыбаки перестали вязать и пятки для сетей, поскольку уже получали готовую «дель» (сеточное полотно) заводского изготовления.

О рыбной ловле с момента организации рыбколхоза до 70-х годов XX века рассказали коренные жители Рыбной слободы, потомственные рыбаки — Сотников Василий Фёдорович, 1911 г. рождения и Богданов Николай Николаевич, 1920 г. рождения.

История организации рыболовецкого колхоза в Рыбной спободе

Религиозная и патриархальная Рыбная слобода к перевороту 1917 г. отнеслась с безразличием, совершенно не понимая, что он им несёт. Осудили пьяные погромы своих рыбновских купцов солдатами 181 полка, который впоследствии назовут революционным. По воспоминаниям старожилов, от смены городской власти в Рыбной слободе ничего не изменилось. Рыбаки так же, артельно, продолжали ловить рыбу и продавать её в Рыбных рядах, сажали свои огороды, пасли своё стадо коров.

В церквях Рыбной слободы продолжались службы.

В Духов день традиционно проходил Крестный ход вокруг города, в котором рыбаки принимали самое активное участие. Последний такой Крестный ход, по воспоминаниям старожилов Марии Васильевны Носовой и Веры Николаевны Сухаревой (обе с 1914 г. рождения), состоялся в 1929 г.

Первыми беду почувствовали священнослужители. В 1919 г. был закрыт Староторжский женский монастырь.

В Рыбной слободе первые погромы пришлись на Зачатьевскую церковь в начале 30-х годов XX века. Первая попытка погрома церкви властям не удалась. Рыбаки, вооружившись *пешнями*, встали кольцом вокруг церкви и защитили свою святыню. И только со второй попытки, обманув рыбаков, как вспоминают старожилы, работники НКВД вытащили из своего дома старосту церкви Василия Филипповича Сотникова (1865-1956 г.г.) и силой заставили его выдать ключи от храма. В этот раз церковь была осквернена и ограблена.

Священник Зачатьевской церкви отец Пётр (Назаров), пользовавшийся огромным авторитетом среди жителей Рыбной слободы, был изгнан из церковного дома. Дом был национализирован и превращён в коммуналку. Этот дом и по сию пору стоит на пл. Калинина, дом 2, и смотрит своими окнами на дом бывшего правления рыбколхоза.

Гонения на настоятеля церкви св. Василия Великого отца Сергия (Сергея Алексеевича Дьяконова) начались в 1927 году. Это был уважаемый человек в Рыбной слободе. Одновременно с церковной деятельностью отец Сергий преподавал в рыбнослободском городском училище для мальчиков и девочек.

Так же, как и отец Пётр, отец Сергий вместе с семьёй был изгнан из церковного дома (ул. Свердлова, дом 18.). В этом доме сделали клуб коммунистической молодёжи, прозванный жителями ячейкой. В 1937 г. отца Сергия расстреляли, а его дети и внуки были объявлены врагами народа.

Церковь св. Василия Великого, так же как и Зачатьевскую начали громить в начале 30-х годов. Летняя церковь была разграблена, сброшены колокола с колокольни. Зимнюю церковь рыбакам всё же удалось отстоять. Большую роль в этом сыграла староста церкви Александра Ивановна Басова (умерла в 70-е годы в возрасте 84 лет). Её арестовывали, применяли силовое давление, отпускали и снова арестовывали, заставляя сдать ключи, но, в конце концов, под давлением рыбаков церковь оставили, хотя временно и закрывали с 1937 по 1941 г.

После разгрома немцев под Москвой в 1941 г. церковь была снова открыта как Введенская. Настоятелем церкви стал отец Александр (Чистяков), а дьяконом — Павел Дмитриевич Целебровский, начавший свою службу в церкви св. Василия Великого ещё в 1920 г., а в 30-е годы подвергшийся репрессиям вместе с семьёй.

Церковь Параскевы Пятницы была снесена до основания ешё до войны.

В 1930 г. в Галиче началась сплошная коллективизация. По данным К. Абатурова [33] к 1938 году в Галиче было создано 10 промысловых артелей. У частных предпринимателей отбирали «патенты» (так в Рыбной слободе называли лицензию на право ведения предпринимательской деятельности) и заставляли вступать в

ту или иную артель. Так все сапожники Рыбной слободы в одночасье оказались в артели «Обувщик», а все портнихи – в артели «Работница».

Не обощла эта учесть и рыбаков, а поскольку они всегда ловили рыбу артельно, их стали объединять в колхоз, приравняв рыбопромышленников к крестьянам.

По данным К. Абатурова валовая продукция местной промышленности в 1932 г. составила 1909 тыс. руб., а в 1938 г., когда были созданы 10 артелей, валовая продукция составила 2000 тыс. руб., то есть создание артелей, практически не увеличило валовое производство.

Рыболовецкий колхоз был образован в июне 1932 года.

Вот как об этом говорилось в отчёте райкому партии за 1933 г.[19]: «До 1932 г. на Галичском озере существовала «дикая» артель рыбаков. Орудия лова не были обобществлены, труд не был организован, каждый рыбак ловил самостоятельно своими орудиями лова, добычу свою контрактировал через Галичский Союз Охотников. В дальнейший период сдача продукции была налажена по контракционным договорам».

Но такая организация труда не устраивала партийные власти, ретиво выполняющие планы по коллективизации. По их указанию организуется рыболовецкий колхоз. И, конечно, находится организатор из рыбаков.

Организатором колхоза стал Григорий Павлович Сотников, коренной житель Рыбной слободы. Дом его и сейчас стоит на ул. Набережной, дом 129. В годы русскояпонской войны он служил на легендарной «Авроре», участвовал в Цусимском сражении.

Вот как писал о Γ . П. Сотникове в своей книге «Рыбаки» К. Абатуров [18].

«В молодости ему (Г. П. Сотникову) пришлось работать на скупщиков. Своих сетей у отца не было. Был он малограмотен, в школе, которая ютилась в бревенчатом домишке, проучился всего одну зиму, а затем отец взял его на

озеро. Когда Сотников был призван на флот, там, в беседах с бывшими матросами, получал ответы на волнующие его вопросы о странном и непонятном укладе жизни.

Корабль, на котором он служил, считался политически неблагонадёжным. Сотников скоро понял, что это за «неблагонадёжность». Были среди матросов и революционно настроены; они то, тайком от начальства и преподавали новичкам, вроде Сотникова, азбуку жизни и борьбы.

Когда вернулся в Рыбную слободу, стал заметен в кругу рыбаков. Читал им запрещённые книжки».

По воспоминаниям старожилов Василия Фёдоровича Сотникова⁷ и Паисия Михайловича Сотникова, Г. П. Сотников всё время стремился быть лидером, хотя и не обладал качествами лидера, т.к. был завистлив и злопамятен. Рыбаки таких людей недолюбливали.

«Поэтому, как только заговорили о колхозе, он (Г. П. Сотников) стал собирать соседей на беседы, ведя речь о том, что рыбакам пора бы взяться за это дело. Тогда же он получил и партийный билет и после этого он ходко пошёл в гору в мастерстве своём» - пишет К. Абатуров.

В это же время, для укрепления авторитета Г. П. Сотникова, появилась байка о покушении на него кулаков, коими стали называть рыбаков, не пожелавших вступать в колхоз. Вот как красочно описывает этот эпизод К. Абатуров в своей книге «Рыбаки»

«Не слышно было теперь ехидных усмешек по адресу колхозников. Что это: присмирели или попросту махнули рукой кулаки? Тишина была обманчива. Правление по очереди посылало в тростники сторожевых. Чаще всего дежурил Григорий Сотников. Как-то глубокой ночью, когда

⁷ Василий Фёдорович Сотников, 1911 г. рождения. Коренной житель Рыбной слободы из рода казаков-староверов Сотниковых. Рыбу начал ловить с семи лет. Участник Великой отечественной войны. Умер в 1980 г. На рис. 22 В. Ф. Сотников восстанавливает огуречник после ледохода.

он проплывал среди камышей, вдруг впереди выросла перед ним тёмная качающаяся фигура. Не успел Григорий крикнуть, узнать кто тут, как раздался оглушительной силы выстрел и огненный столб искр. Дробь впилась в плечо и лицо. Только утром слобожане обнаружили лодку с ослепшим и окровавленным рыбаком».

Эта байка отвергалась рыбаками уже в 50-е годы, как надуманная, не имеющая место быть. Что касается Γ . П. Сотникова, он спокойно дожил, вполне зрячий, до глубокой старости и умер в начале 60-х годов XX века.

Желающих вступить в колхоз в июне 1932 г. было мало, всего 8 человек:

- Григорий Павлович Сотников;
- два брата Семён Петрович и Василий Петрович Сотниковы;
- Сергей Семёнович Сотников и
- Василий Николаевич Сотников эти двое в Рыбной слободе считались бедняками;
- Алексей Семёнович Сотников;
- Александр Александрович Зуев;
- Александр Макарович Соболев.

А. А. Зуев и А. М. Соболев были друзьями. В 1917 году водили дружбу с солдатами 181 полка, разделяли анархические взгляды. Эти взгляды вполне устраивали рыбаков. Вот что пишет об анархизме Советский энциклопедический словарь [14]:

«...создание федерации мелких автономных ассоциаций производителей, отвергает политическую борьбу и диктатуру пролетариата, считает высшей формой организации рабочего класса — профсоюзы, отстаивает частную собственность на средства производства и местное самоуправление».

За связь с анархистами друзей неоднократно вызывали в местное ЧК и когда пришло время организации колхоза припомнили эти связи и принудительно-добровольно заставили их вступить в колхоз. Как рассказывала дочь А. А.

Зуева Александра, после одного из разговоров со следователем НКВД отец пришёл домой возбуждённый и потяпал все образа. Мать плакала.

К моменту организации рыбколхоза А. А. Зуеву было 50 лет. Это был опытный, всеми уважаемый рыбак.

В этом же году в колхоз были приняты ещё два человека: рыбак Алексей Петрович Храмцов и, приехавший из Антроповского района бухгалтер, Иван Иванович Русаков.

Своим вожаком рыбаки выбирают А. П. Храмцова, бухгалтером оформляют И. И. Русакова. И. И. Русакова с семьёй поселяют в сторожке Зачатьевской церкви. В таком составе колхоз подчиняется Галичскому Совету Охотников, через это же общество реализует и улов.

Под контору рыбколхоза власти реквизируют имущество местного жителя Ивана Кузьмича Брезгина, который на семейном подряде занимался извозом.

Рис. 30. А. П. Храмцов и И. И. Русаков в правлении рыбколхоза. 1932 г.

У него отбирают двухэтажный дом, который и сейчас стоит на пл. Калинина (перестроенный), конюшни, 6 лошадей, упряжь, сани, телеги, сарай. И. К. Брезгин и его семья объявляются врагами народа. На втором этаже дома устраивают контору, а на первом — детскую площадку, прототип детского сада.

Хозяйственные рыбаки, понимая, что все их снасти всё равно отберут силой, срочно прячут свои орудия лова: верени, мерёжки, сети, пятки в укромные места до лучших времён, которые так и не наступили. И сейчас на чердаках в старых рыбновских домах можно найти некогда припрятанные пятки.

Для того чтобы загнать рыбаков в колхоз власти устанавливают «дикие» налоги.

Сельхозналог (в ценах 1926- 1927 г.г.) [17]

Год	1932	1934
Для члена колхоза (руб.)	25	22
Не члена колхоза (руб.)	442	703

Те рыбаки, которые противились вступлению в колхоз, объявлялись кулаками или их заставляли подписывать заведомо невыполнимые договора по вылову рыбы, при невыполнении которых имущество описывали.

Такая участь постигла, например, Николая Абрамовича Карабанова, сына Абрама Васильевича Карабанова, который управлял Рыбной слободой более 28 лет.

К середине 1933 г. рыбаки были сломлены.

К концу 1932 года число рыбаков в колхозе достигло 14 человек. Чтобы предотвратить гонения на семью, в колхоз вступает Василий Васильевич Загвоздкин (1882-1972 гг.), передав местным властям свой кирпичный завод и производство по изготовлению верёвок, которые находились в Рыбной слободе. Он становится завхозом колхоза.

Рис. 31.Василий Васильевич Загвоздкин с женой Александрой Ивановной. 1969 г.

Рыбколхозу присваивается имя И.В. Сталина. Вот как описывает этот эпизод К. Абатуров [18].

«В самый разгар артельной путины прямо на берег подкатила с вокзала подвода. Сопровождающий её председатель колхоза весело крикнул ловцам:

– Разгружай дорогие подарки.

Глянули они и ахнули – были тут новёхонькие сети.

- Да от кого такой дар? наперебой спрашивали обрадованные рыбаки.
  - Столица прислала...

Рыбаки знали: раз столица, то непременно по распоряжению Сталина – строителя колхозов. В тот же день порешили назвать колхоз именем вождя».

По воспоминаниям же старожила Александра Ивановича Сотникова, который в то время был членом правления колхоза, имя Сталина было дано райкомом партии и с рыбаками даже не согласовывали.

Исполняющий обязанности председателя колхоза, беспартийный хозяйственный рыбак А. П. Храмцов не устраивает райком партии, и он 1 августа 1933 года назначает

Рис. 32. Первый председатель рыбколхоза им. Сталина Павел Александрович Брезгин.

председателем колхоза им. Сталина Брезгина Павла Александровича, молодого члена $BK\Pi(\delta)$, недавно вернувшегося с морфлота, где он служил.

А. П. Храмцов становится членом правления колхоза.

Колхоз переподчиняют только что созданному Иврыбтресту. Иврыбтрест занимает помещение на ул. Луначарского, отобранное у Дмитрия Ушакова, галичского предпринимателя, производство которого снабжало галичан вёдрами, лопатами, лейками и другим огородным инвентарём. Раскулаченный Дмитрий Ушаков становится врагом народа. Его дочь, Елена Дмитриевна Моргунова, впоследствии станет всеми уважаемой учительницей Рыбнослободской школы, а затем школы №1 г. Галича и всю свою жизнь проживёт в Рыбной слободе.

Одновременно с занятием дома Ушакова Иврыбтрест занимает летнюю церковь св. Василия Великого и устраивает в ней цех по засолке рыбы. По воспоминаниям старожилов, у

религиозных жителей Рыбной Слободы «кипели сердца» от такого кощунства.

Председателем колхоза П. А. Брезгин работает до 1 июля 1934 г.

Каким же был рыбколхоз при П. А. Брезгине? Вот данные из отчёта райкому партии [19].

«На 1 августа 1933 г. в колхозе насчитывалось 124 рыбака. К 1 августу 1933 г. семь рыбаков категорически не пожелали вступать в колхоз – стали контрактантами.

Состав колхоза на 1 августа 1933

 Рыбаков
 124 чел.

 Рабочих и служащих (администрация колхоза)
 9 чел. (из них 4 члена колхоза)

 В том числе: рыбаков- бедняков
 9 чел.

 Рыбаков-середняков
 113 чел.

 Выше среднего
 6 чел.

Социальный состав был определён по размерам паевого взноса, который распределялся по социальному и имущественному положению».

Этот документ позволяет констатировать, что даже по меркам большевистской пропаганды, во всей Рыбной слободе нашлось только 9 бедняков.

Этот же документ [19] гласит, что «по партийному составу в колхозе:

членов и кандидатов ВКП(б) 3 чел. членов ВЛКСМ 4 чел.

Состав администрации рыбколхоза [21].

Председатель;

Заведующий хозяйством;

Бухгалтер;

Счетовод;

Руководители детской площадки – 2 чел;

Возчики – 2 чел;

Уборщица».

Автоматически членами колхоза становились все члены семей рыбаков-колхозников. Тот же документ отмечает:

Всё население колхоза	511 чел.
Мужчин от 16 лет	154 чел.
Женщин от 16 лет	136 чел.
Подростков от 12 до 16 лет	56 чел.
Детей и нетрудоспособных стариков	165 чел.

Женщины и дети принимали непосредственное участие в рыбном промысле. Только женщины и дети были задействованы в процессе изготовления вандыша, подростки ловили со своими отцами сетями, крылёнами, стуликами, но никакой зарплаты за свой труд не получали, поскольку юридически членом колхоза был только их отец или муж.

На своём балансе рыбколхоз на июль 1933 г. имел [20]:

дом 2-х этажный	1,
кладовых	2,
хлев	1,

а также имущество, полученное от рыбаков в виде «вступительного пая»:

Наименование	Количество	Общая	Единичная
имущества	шт.	стоимость, руб.	стоимость, руб.
Лодки	12	_	_
Челны	16	1740,5	_
Печей для изготовления вандыша	60	3475	57,9
Пятки частые	693	6624,25	0,63 руб. за 1 м.
Крылёны	591	2149,8	3,63
Сети колотные	68	147	2,2
Сети гонильные	103	773,25	7,5
Стулики	1142	411,5	0,36
Нитки, канаты, верёвки	_	168,63	_

Средняя заработная плата квалифицированного рабочего в 1933 г. составляла примерно 160-170 руб. в месяц. Налог на рыбака, не пожелавшего вступить в колхоз, как уже указывалось выше, составлял 703 руб., а оценочная стоимость орудий лова была дана ниже даже их себестоимости.

Чтобы не кормить лошадей в летний период, поскольку лошади были нужны только для лова зимним неводом, колхоз, как и раньше рыбаки, лошадей на лето продавал. Так по данным на 31.12.32 г. [19] колхоз имел 11 лошадей стоимостью 3540 руб., а на июль 1933 г. только двух [20].

Плановое задание по вылову рыбы директивно выдавалось рыбколхозу РК ВКП(б) и Галичским райисполкомом. На 1933 г. оно было определено в 550 т.

Поскольку естественный прирост рыбы в озере позволял добывать примерно 300 тонн рыбы в год (это отмечал ещё С.Сытин в 1905 г.), то рыбаки без искусственного воспроизводства рыбы выполнить такой план, естественно, не могли, на что последовал резкий партийный окрик [27]:

«Выписка из протокола заседания Президиума Галичского Райисполкома

от 19 июля 1933 г.

Признать совершенно неудовлетворительным выполнение полугодового плана лова в 4680 центнеров на 78.16%.

Решения Президиума РНК от 25.02 и 27.02 1933 г. не выполнены.

Прирост выполнения плана составил всего 4%.

Лов правильно, с учётом климатических условий не производился.

Зав. Общим отделом Соболева».

Последний пункт решения особенно показателен. Партия, оказывается, лучше знает, как ловить рыбу с оценкой климатических условий, чем рыбаки, десятки лет проведшие на озере. Зимой рыбу ловили 4 бригады по 32 чел. В «чащёвую» работало 17 бригад [20]. Одновременно ловили и сетями, и крылёнами, и стуликами.

Вылов рыбы стал превышать её естественный прирост.

При такой варварской ловле рыбы запасы её в озере стали быстро истощаться.

К концу 1933 г. колхоз получает программу общих вопросов об улучшении рыбного промысла [26], в которой уже ставится вопрос об искусственном прудовом воспроизводстве рыбы. В этом же документе содержится пункт 4, который гласил:

«4. Выявить, есть ли у рыбаков другие доходы, объём этих доходов и значение дохода от рыбного промысла в общей сумме этих доходов».

Как вспоминает Василий Фёдорович Сотников, за рыбацкими семьями была установлена тотальная слежка. Выясняли даже у детей, не ездил ли их отец на озеро ловить рыбу для себя, не приносил ли он домой рыбу после сдачи улова на рыббазу Иврыбтреста. К сожалению, соглядатаи были и из рыбацких родов.

Некогда зажиточные рыбацкие семьи при такой организации лова стали быстро беднеть.

Рыба, что рыбаки сдавали на базу Иврыбтреста, стоила:

I сорт	90 коп. за килограмм
II сорт	75 коп. за килограмм
III сорт	50 коп. за килограмм
IV сорт	35 коп. за килограмм

Такая цена, по воспоминаниям старожилов, была в три раза ниже рыночной, по которой рыбаки продавали рыбу сами.

Продавать рыбу колхозу категорически запретили.

Сами же рыбаки, если и продавали рыбу, то делали это тайно, с оглядкой, поскольку продажа рыбы каралась большими штрафами.

Сортность рыбы была определена директивно, при этом более 70% улова попадало под IV и III сорта.

Вот критерии сортности рыбы [23]:

Сорт рыбы	Вес одной рыбы в граммах
IV	от 50 до 100
III	от 100 до 200
II	от 200 до 400
I	от 400 и выше

Рис. 33. Второй председатель рыбколхоза им. Сталина Иван Васильевич Марков.

Из полученных денег, за сданную государству рыбу, колхоз делал 34% отчислений на расширение производства, амортизацию и другие общественные фонды. Поэтому нетрудно подсчитать годовой доход рыбака-колхозника с учётом всех выше перечисленных факторов. Этот доход в 1933 г. составил 160 руб. в год, то есть в месяц рыбак зарабатывал по 13 руб. Можно ли было жить на эти деньги?

1 июля 1934 г. райком партии назначает на должность председателя рыбколхоза Ивана Васильевича Маркова (1904-1942 г.). В Галич он приехал из д. Елизаровское, где был председателем сельского Совета. Председателем колхоза И.В. Марков проработал до 1937 г.

При И. В. Маркове колхоз построил во дворе здания правления колхоза склад-ледник для хранения рыбы и склад для орудий лова. Было построено новое здание для правления колхоза, которое и сейчас стоит на углу ул. Калинина и пл. Калинина. Лес для дома заготовляли под Туровским, а затем по озеру сплавляли до Зачатья. Построенное двухэтажное здание нового правления колхоза рыбакам не приглянулось, поскольку у нового здания не было хоздвора.

Рис. 34. Заседание правления колхоза 16 октября 1934 г.

Слева на право: Алексей Семёнович Сотников, Александр Иванович Сотников, Григорий Павлович Сотников, представитель райкома партии, Марков Иван Васильевич (председатель), Алексей Иванович Брезгин, Николай Васильевич Богданов, Иван Иванович Русаков (бухгалтер), Алексей Петрович Храмцов, Александр Александрович Зуев.

Новое здание правления построили на месте небольшой лавки купца Ивана Ивановича Сотникова, предварительно раскулачив его. Об этом рассказал непосредственный участник строительства дома — Николай Николаевич Богданов.

В новый дом перевели детскую площадку, прототип детского сада, а на первом этаже дома старого правления, где до этого находилась детская площадка, сделали «хомутовую», где хранилась сбруя для лошадей, где рыбаки шили невода и ремонтировали орудия лова и где для них проводили политучёбу.

При И.В. Маркове вылов рыбы в озере был доведен до 700 тонн в год [33], а рыбный промысел давал доход г.

Галичу 227,6 тыс. руб. [17]. Рыбколхоз переподчиняют Яррыбтресту, поскольку Галич из Ивановской области переходит в Ярославскую.

Ещё при первом председателе были проведены расчёты вылова рыбы на одного рыбака за год с учётом климатических факторов, применяемых орудий лова, накопленного за сотни лет, опыта рыбной ловли и сохранения рыбных запасов. Эти расчёты показали [24]:

- рыбаки выходят на лов 218 раз в год;
- в среднем в год один ловец может поймать 775 кг рыбы;
- средний улов одного рыбака за день лова составляет 3,7 кг.

Согласно этим расчётам 214 рыбаков, столько рыбаков было в колхозе, должны были вылавливать 166 тонн рыбы в год, а партийные органы требовали увеличения вылова более чем в четыре раза. Такой результат можно было достигнуть только уменьшением ячеи сетей и массовым выловом молоди. Рыбаки забили тревогу. В 1933 г. были проведены комплексные исследования рыбных запасов озера Ивановским институтом ИвОВНИОРХ под руководством профессоров Борисова и Предтеченского. Учёные дали следующие рекомендации [25]:

- 1. Необходимо сооружение плотины на реке Вёкса, для повышения воды в озере.
- 2. Необходимо углубление русел рек и ручьёв, впадающих в озеро.
- 3. Создание водоохранной лесной зоны.
- 4. Отказ от ловли перегородками и кипами (выдрами) в реке Вёкса
- 5. Охрана вылова молоди зимой.
- 6. Охрана вылова молоди в летний период.
- 7. Прекращение сброса в озеро промышленных и сточных вод.
- 8. Запрещения сплава леса и попадания хим. веществ с полей.
- 9. Необходимо выкашивание хвощей и тростника.

Рис. 35. Строительство рыборазводных прудов в 1934 г.

Чуть раньше эти же учёные рекомендовали заняться прудовым разведением карпа и организацией на озере питомника для разведения молоди сазана с последующим его выпуском в озеро.

При И. В. Маркове начинается строительство рыборазводных прудов близ прекрасной Флоровской церкви, которая служила рыбакам и маяком и ориентиром. Пруды начинают строить на лёгких (песчаных) грунтах, стройку превращают в долгострой, церковь разрушают.

За время правления колхозом И.В. Марковым жизнь рыбаков в Рыбной слободе ещё более ухудшается. И так мизерную заработную плату превращают в натуроплату. Для этого власти открывают специальный магазин, который стал называться «рыбацким». Рыбаки, как сельхозработники, должны были сдавать государству 300 литров молока с жирностью 3,8%, 50 штук яиц, 1,5 кг шерсти. И никого не интересовало, где рыбак возьмёт яйца или шерсть, а за

жирнось менее 3,8% назначались штрафные литры молока для сдачи, и вместо 300 литров рыбакам приходилось сдавать до 450 литров. Рыбацкие семьи задавили заёмными кампаниями, в которые рыбаков добровольно-принудительно заставляли покупать государственные облигации. У рыбаков перед сельхозработниками было одно преимущество — у них были паспорта. Это давало возможность членам семей рыбаков, не связанным с рыбной ловлей, поступать на работу на промышленные предприятия города.

В это время происходит распад рыболовецких династий, обесценивается труд рыбаков. Молодые ребята уже не идут ловить рыбу, как многие десятилетия делали их отцы и деды, а идут работать на кожзавод в Шокшу, в артель «Обувщик», или уезжают совсем из Галича. Так ушёл работать на кожзавод Сотников Василий Фёдорович, ушли в шоферы Богданов Николай Николаевич и Паисий Михайлович Сотников – все из потомственных рыбацких родов.

В 1937 году И. В. Маркова переводят на работу руководителем Галичского отделения Яррыбтреста (в народе – руководителем рыббазы). Рыбаки больше не пожелали, чтобы ими руководил пришлый человек, пусть даже рекомендованный райкомом партии. На общем собрании рыбаков, на котором, как вспоминают старожилы, были и члены их семей, председателем колхоза избирают к тому времени ещё беспартийного хозяйственного рыбака Александра Александровича Зуева. Рыбаки посчитали, что свой, знающий все насущные нужды рыбаков коренной житель Рыбной слободы А. А. Зуев будет отстаивать интересы рыбаков перед властями, как до 1917 года делали их отцы. В чём-то А. А. Зуев оправдал надежды рыбаков. До сих пор многие жители Рыбной слободы считают, что первым председателем рыбколхоза был Зуев.

К 1940 году рыбколхоз насчитывал 125 рыбаков [8]. Рыбак Алексей Семенович Сотников в 1940 г. стал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки [8].

При А. А. Зуеве в рыбколхозе до войны работала бригада, составленная из репрессированных латышей и эстонцев, сосланных в Галич после подписания с фашисткой Германией договора Молотова-Риббентропа. Как вспоминает Василий Фёдорович Сотников, это были хорошие, работящие люди и жители Рыбной слободы относились к ним доброжелательно и с пониманием. С А. А. Зуевым рыбколхоз пережил войну. Ушедших на фронт мужчин, заменили их жёны и подростки. О заработках уже не думали – лишь бы выжить. К концу 1944 г. рыбу ловили 15 бригад, состоящих из 4-6 человек. Почти каждый рыбацкий род потерял за время Великой Отечественной войны 5-7 человек. Так в роду Сотникова Николая Васильевича с войны не вернулись 5 человек, и один вернулся без ноги.

В 1944 году пришла работать в рыбколхоз счетоводом Мария Александровна Кудрявцева (Дьяконова) и проработала в нём до 1989 года. Она и сейчас живёт в Рыбной слободе. Это – живая история колхоза.

Рис. 36. Рыбаки у нового здания склада-ледника.

Крайний слева стоит Григорий Павлович Сотников, в центре сидит со *стуликом* Алексей Семёнович Сотников, за ним стоит в папахе Александр Александрович Зуев.

В 1947 году после демобилизации пришёл на работу в рыбколхоз бухгалтером Михаил Михайлович Храмцов, родители которого были коренными рыбаками.

По воспоминаниям М. М. Храмцова в это время в рыбколхозе насчитывалось 180 рыбаков. Ряды рыбаков пополнились, вернувшимися с войны рыбаками. В 1947 г. колхоз имел 6 лошадей, а уже в конце 1949 г. лошадей было 16. Однако финансовые дела шли плохо. План вылова рыбы определялся партийными органами, закупочная цена выловленной рыбы была в 3-4 раза ниже рыночной. Рыбаков давили налоги и бесчисленные госзаймы. Как вспоминает М.М. Храмцов, за 1 кг. щуки рыббаза платила колхозу 47 коп., за 1 кг. сорожки — 35 коп., в то время как на рынке 1 кг. щуки стоил 3 руб., а сорожки — 2 руб. Денег не хватало. Надо было содержать администрацию колхоза, закупать клевер и овёс для лошадей, а уж что осталось — делить на рыбаков.

В 1950 г., по данным М.М. Храмцова, в рыбколхозе получали:

председатель колхоза	150 pyб.:
бухгалтер	100 руб.;
счетовод	80 руб.;
кладовщик	70 руб.;
уборщица	30 руб.

А. А. Зуев и М. М. Храмцов обращаются в райком партии, секретарём которого в это время был Жестовский, с просьбой о выделении для рыбколхоза подсобного хозяйства, в котором можно было бы выращивать клевер и овёс на корм лошадям. Райком партии даёт согласие, и рыбколхозу выделяется участок земли под Степановым в районе деревни Марьино. Земля — глина, болото.

Здесь надо сказать несколько слов о Михаиле Михайловиче Храмцове. Родившийся в 1917 году, в семье потомственного рыбака, он уже в условиях колхозного строя не захотел, как его дед и отец, стать рыбаком; он мечтал стать хорошим столяром, а стал финансистом, и в должности бухгалтера проработал до пенсии.

Рис. 37. М. М. Храмцов в правлении рыбколхоза. 1947 г.

Волею судеб Михаил Михайлович почти два года во время Великой Отечественной войны служил в Америке, на Аляске, в форте Ковбей, где у американцев была военноморская база. Здесь Михаил Михайлович участвовал в приёмке боевых кораблей-фрегатов, что Америка поставляла нам по ленд-лизу. Работая длительное время с представителями различных американских фирм, М.М.Храмцов научился у них предприимчивости, деловой хватке, умению считать деньги.

Вместе с хозяйственником Василием Васильевичем Загвоздкиным, который до вступления в рыбколхоз владел кирпичным заводиком, прикинули, что вырастить на землях подсобного хозяйства вряд ли что можно, а вот глина хороша для производства кирпичей. В. В. Загвоздкин приглашает своего знакомого, уже седого старика из Макарьева, который хорошо знал технологию изготовления кирпичей и их обжига в примитивных условиях

Построили быстро нехитрый навес, вырыли яму для обжига кирпича, и дело пошло. За одну закладку обжигали до 10000 штук кирпича. Кирпич получался отличного качества и

быстро продавался. На производстве кирпича работали 5 сельских жителей, которым рыбколхоз помог выправить паспорта.

У рыбколхоза появились деньги. На них можно было и овёс лошадям закупить, и обновить снасти, да и рыбакам добавить зарплату. Правда длилась эта благодать недолго, гле-то 1.5 года.

Слухи о том, что колхоз сам стал зарабатывать деньги, дошли до партийных властей и, как вспоминает М.М.Храмцов, его вместе с А. А. Зуевым вызвал первый секретарь и сказал: «Что вы тут, капитализм мне решили разводить! Разрушать плановое хозяйство! Да я сам вас сгною в этой яме! Немедленно всё прекратить!»

Колхоз снова посадили на голодный паёк.

В 1953 году М. М. Храмцов увольняется из колхоза в другую организацию. Он до сих пор живёт в Рыбной слоболе.

А в 1954 г., после несчастного случая на озере со студентами сельхозтехникума, в котором были задействованы и рыбаки, райком партии освобождает А.А.Зуева от должности председателя рыбколхоза. Начинается полоса частых смен председателей.

В 1954 г. на должность председателя назначается Богданов Василий Николаевич. В 1955 г. он трагически погибает при разгрузке машины с лесом. В. Н. Богданов, так же как и А. А. Зуев, до избрания председателем был рыбаком.

После В. Н. Богданова председателем назначается партийный работник Сергей Петрович Храмцов. При нём казна колхоза становится совсем пустой. Даже стоял вопрос о целесообразности существования колхоза как самостоятельной юридической единицы.

В 1959 г. райком партии предлагает рыбакам на пост председателя Анатолия Никаноровича Ермолова.

Вот как пишет об этом Γ . Б. Комраков в своей книге «И к селу и к городу» [32]:

«До Ермолова колхоз, как экономическая ячейка народного хозяйства, имел весьма слабо выраженную ценность. Рыбная слобода жила чуть ли не натуральным хозяйством.

А. Н. Ермолов, человек 58 лет от роду, после длительной и многотрудной работы в сельском хозяйстве попросил у районных властей освобождения от занимаемой должности, а ему предложили рыбколхоз.

Только вот рыбаки заупрямились. Столетиями сохранялся обособленный мирок слободы.

Привыкшие вариться в собственном соку, чужака допустить не пожелали: «Своего выберем!».

Представитель горкома принялся увещевать собрание, дескать, свои уже были, сами видите — охрамел колхоз на обе ноги. «Мы и храмые, с костыльком ушагаем!»- покрикивали добытчики.

Представитель начал расхваливать Ермолова, но тут уже сам Никанорыч взбеленился: «Я не в пастухи пришёл наниматься, не хотите - не надо!» Лишь со следующего захода стал Ермолов председателем. Как ни странно, уважать стали за то, что ушёл с первого собрания решительным».

К счастью, времена изменились, началась Хрущёвская оттепель. А. Н. Ермолов добился от Министерства рыбной промышленности права самим распоряжаться выловленной рыбой, о чём в своё время мечтали А. А. Зуев и М.М.Храмцов.

В начале председательской деятельности Ермолова колхоз сдавал на рыббазу лещей по 33 коп. за 1 кг, в то время как магазин реализовывал их населению по 90 коп. за 1 кг. Шёл явный грабёж государством рыбаков. Ермолову позволили самому перерабатывать и реализовывать рыбу, и к концу 1977 года доход от реализации составил 400 тыс. руб., а в начале 60-х доход еле-еле дотягивал до 66 тыс. руб. [32].

При Ермолове начали изменяться используемые столетиями технологии лова рыбы. Колхоз приобрёл капроновые сети и капроновые верёвки, которые уже не надо

было сушить после ловли. Вместо лодок с деревянными днищами появились лодки с металлическими днищами. Рыбаки с большой неохотой пересаживались в эти ненадёжные, потопляемые суда. Переход на лодки с металлическими днищами произошёл не от хорошей жизни. К этому времени все талантливые мастера-лодочники поумирали, а преемников не нашлось. При Ермолове в рыбколхозе появились лодочные подвесные моторы, которые облегчили труд рыбаков. При нём начинается строительство рыбоводного хозяйства.

Строятся причалы в устье реки Чёлсма, вместо традиционных лошадей приобретается автотранспорт, прорабатывается документация по строительству плотины на реке Вёкса. При А. Н. Ермолове рыбколхоз им. Сталина переименовывают в рыбколхоз имени XXII съезда КПСС.

В первой половине 60-х годов XX века у рыбаков отбирают общественный выгон для пастьбы коров, и Рыбная слобода теряет своё стадо коров. Хвощи и тростники в озере перестают выкашиваться и выжинаться. Начинается интенсивное заболачивание озера. Рыбколхоз приобретает водную косилку для выкашивания хвощей, но, поработав недолго, из-за частых поломок от этого дела отказались.

В конце 70-х годов начинает быстро расширяться автокрановый завод. Идёт строительство новых цехов, строительство жилого фонда. При этом сносятся вековые рыбацкие дома, уничтожаются прекрасно родящие огороды.

Оскверняется и Рыбнослободское кладбище.

Оставшихся в живых рыбаков селят в типовые пятиэтажки. В Рыбную слободу переселяют иногородних. Рыбная слобода, как своеобразный исторический анклав, исчезает с исторической арены вместе со своим именем, став ничего не значащей «Калинкой».

На фотографии (рис. 38) запечатлены последние «аборигены» Рыбной слободы, в том числе и те, кто в далёком 32-33 г.г. пришли в рыбколхоз.

Рис. 38. Последние представители рыбацких династий. 9 мая 1973 г.

Нижний ряд: Михаил Иванович Брезгин, Василий Фёдорович Сотников, Павел Скрипкин, Владимир Кузнецов (лектор РК КПСС), Анатолий Никанорович Ермолов (председатель), Михаил Ёлшин, Николай Сотников, Иван Нарышкин, Николай Комаров.

Средний ряд: Михаил Зуев, (?), Иван Александрович Сотников, Алексей Меньшиков, Николай Меньшиков, Василий Храмцов, Константин Иванович Соболев, Иван Нефедьев, Владимир Булатов, Николай Романов.

Верхний ряд: Михаил Богданов, Михаил Храмцов, Алексей Павлович Мурзин, Николай Федорович Брезгин, Анатолий Лебедев, Николай Богданов, Павел Сотников, Валентин Мурзин, (?), Николай Васильевич Брезгин.

Список используемой литературы

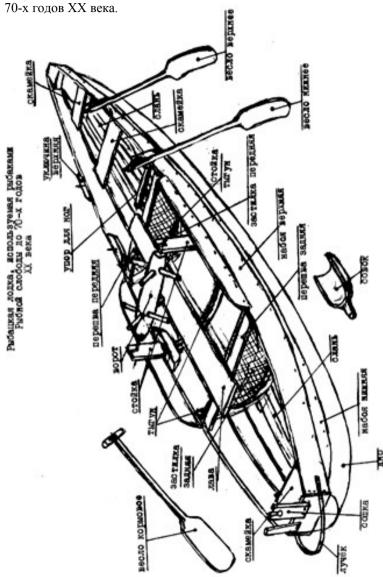
- 1. М. Виноградов. Галичское озеро и галичский рыбный промысел // В кн. Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Выпуск І. Кострома. 1914. С. 11-68.
- 2. В. Поссе. От Бадена швейцарского до Галича Костромского: Наблюдения над жизнью больших и маленьких людей // Книжки недели, №11. Галич, 1895. С. 183-191.
- 3. А. А. Тиц. На земле древнего Галича // Изд-во «Искусство», М., 1971. С. 39-43.
- 4. С. Сытин. Древний город Галич // М., типография тва И.Д. Сытина, 1905. С. 61.
- 5. А. Кирюхин. Дьяк разрядного приказа // М., изд-во «Молодая гвардия», 1991 г. С. 182-184.
- 6. А. В. Мустафаров. Сотная на посад Галича 1578 г. // Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1998.
- А. Г. Авдеев. Сколько лет Рыбной слободе? // Галичские известия, № 135 (10615), 22.11.2001, Галич.
- 8. Учёные записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потёмкина. Том IX. Вып. 1. Под редакцией проф. П.П.Никитина // М., Изд-во Московского городского пединститута, 1948.
- 9. Галич средневековый // Губернский дом. Историкокраеведческий культурно-просветительный научнопопулярный журнал, № 2 (39), 2000. г. Кострома. С. 21-24.
- 10. В. Нефедьев. Жители Рыбной слободы // Там же. С. 7-8.

- 11. А. Шевяков. Галич. Журнал «Нива», 1871 // В книге «Галичский край», Галичская типография, Галич, 1995. С. 66-72.
- 12. Д. Крылов. Ещё раз об озере // В книге «Галичский край», Галичская типография, Галич, 1995. С. 73.
- 13. С. Г. Вальмус. И. Ф. Правдин. Материалы по обследованию Галичского озера // Труды Галичского отделения Костромского научного общества по изучению местного края. Выпуск ІІ., г. Галич, 1923.
- 14. Советский энциклопедический словарь // М., Советская энциклопедия», 1988.
- 15. Энциклопедический словарь // С.-Петербург, Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1892.
- 16. В. Сотников. Стихи // Газета «Галичские известия», № 112, 11.10.94, Галич.
- 17. Галичский район за 1931-1934 г.г. Отчёт о работе Галичского районного исполнительного комитета // Галич, изд-во Галичского райисполкома, 1934.
- 18. К. Абатуров. Рыбаки // ОГИЗ СССР, Костромское областное государственное изд-во, 1947 г. С. 5, 11.
- 19. Галичский музей, Костромской обл. Папка «Материалы по изучению рыбного промысла на Галичском озере (черновики)». Лист 20.
- 20. Там же. Лист 21.
- 21. Там же. Лист 23.
- 22. Там же. Лист 24.
- 23. Там же. Лист 28.
- 24. Там же. Лист 38.
- 25. Там же. Лист 40.
- 26. Там же. Лист 79.
- 27.
- 28. Там же. Лист 85.

- 29. Из отчёта юбилейного торжественного вечера, посвящённого 50-летию основания Галичского рыболовецкого колхоза им. XXII съезда КПСС «Годы, события, люди». 19.11.1982.
- 30. А. Мезерина. Мати Вера // Газета «Северная правда», 19.04.2001, г. Кострома.
- 31. Л. Сизинцева. Голоса. Новомученики и исповедники // Журнал «Губернский дом», № 3, 1994 г., г. Кострома
- 32. Г. Б. Комраков. И к селу и к городу // М., изд-во «Советская Россия», 1977.
- 33. К. Абатуров, А. Орлов, А. Рыжков. Галич // Ярославль, Ярославское областное издательство, 1939.
- 34. Отчёт Галичской городской управы о приходе и расходе сумм за 1903 г. // г. Галич, типография В. А. Серова, 1904.
- 35. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии // г. Кострома, изд-во Костромской епархии, 1911.
- 36. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии // Напечатано в типографии Почтового департамента, г. Санкт-Петербург, 1863.
- 37. Аникин И. П. Рыцари речного войска. Исторический очерк // Адрес в Интернете: http://ural-cossacks.chat.ru/index.htm
- 38. Костромские епархиальные ведомости // Журнал №14 от 15.07.1892, С. 327.

Приложение І.

Рыбацкая лодка, использовавшаяся рыбаками Рыбной слободы до

Приложение II.

Словарь слов и выражений, употреблявшихся в Рыбной слободе и редко применяемых в настоящее время

Рыбацкая лодка

Лодка неводная – лодка, в которой находился невод.

Лодка малевя – лодка, в которую помещали улов.

Набоя — борт лодки; *набои* изготовлялись из широких досок, толщиной до 25 мм.

Тыгун – деревянный шпангоут, для поперечной жёсткости лодки.

Дно – дно лодки; выдалбливалось из толстой осины и разводилось по особой технологии

Слань – настил из досок на дне лодки.

Перешва (задняя и

передняя) — деревянная толстая палка (диаметром 8-10 см) или доска (толщиной 5 см и шириной 10 см), которая

прибивается к *набоям* поперёк лодки у переднего и заднего *тыгунов*.

Застилка (задняя и

передняя) - сетка, привязанная к палке, которая

устанавливается поперёк лодки; при этом задняя застилка крепится к задней перешве, а передняя перемещается вдоль лодки до передней перешвы, ограничивая место для выловленной рыбы.

Уключина – устройство для крепления вёсел;

изготовлялось с помощью топора из берёзового полена и металлического

штыря.

Ворот – ручная деревянная лебёдка для

выборки невода.

Сошка или

проходень - толстая доска с прорезью,

прибиваемая к корме для фиксации направления верёвки невода на

ворот.

Лучок – дуга из ивового прута (диаметром до

20 мм); используется для фиксации лодки при ловле, предохраняет невод

от зацепа за корму лодки.

Весло, вёсла – весло выстругивалось из толстого и

широкого бруса; в месте отверстия под уключину к веслу прибивалась

набойка.

Весло кормовое – весло для управления лодкой.

Лавица (иногда

перешва) – палка для связки неводной и малевой

лодок при ловле неводом.

Лавица — спаренные лодки для перевозки, например, сена.

Чёлн — лодка, построенная по принципу рыбацкой лодки, но примерно вдвое её меньше; применялся при ловле сетями и для хозяйственных нужд.

Жо́лоб – деревянный, долблёный, устанавливался поперёк *челна* и служил для укладки сетей при ловле *колотом*.

Куделя – льняное волокно для конопаченья лодки.

Скоба, скобочки — вырезанная из кровельного железа скоба для заделки трещин в лодке.

Рыболовные снасти

Стулик – каркас в форме куба или параллелепипеда, изготовленный из ивовых прутьев без единого гвоздя и обтянутый сеткой с мелкой ячейкой (5-7 мм).

Горло – место входа рыбы в *стулик* или *вереньку*, выполненное из сетки в виде усечённого конуса.

Веренька — рыболовная снасть, состоящая из 4-5 обручей, концентричных между собой, выполненных из ивового прута и обтянутых сеткой с крупной ячейкой; между кольцами внутри вереньки устанавливают горла, а у последнего меньшего кольца делают клапан для выемки рыбы.

Крылёна — то же, что и *веренька*, но к большому кольцу для лучшей организации входа рыбы пришивались два крыла из сетки с крупной ячейкой. *Веренька* и *крылёна* применялись в основном весной для ловли щуки и леща.

Лучок — полукольцо из ивового прута диаметром 10-15 мм; два связанные по концам лучка образовывали кольцо *вереньки*.

Воротница – рыболовный невод с ячейкой 30 мм.

Притон или

кутчик — мешок для рыбы, пришиваемый к воротниие.

Наплав – деревянный поплавок у притона.

Оправдывать — расправлять *притон*, чтобы он занял определённое положение в воде относительно *воротницы*. Расправляют (оправдывают) *притон* путём вытягивания нижней верёвки *притона* и освобождения её от сетки, «чтобы была чистая» — выражение рыбаков.

Опушка — плетёная дорожка из шпагата диаметром 4-5 мм с ячейкой 40 мм, которая пришивалась по всей длине *воротницы* или невода сверху и снизу.

Невол

чащёвый — невод с мелкой ячейкой 5-7 мм длиной более 100 м; ловить рыбу этим неводом начинали всегда 14 августа и ловили до замерзания озера.

Кутец (или матня) — мешок для рыбы у невода.

Атаман — деревянный Т-образный поплавок у *кутца*.

Кебас – деревянный поплавок у невода.

Груз или

опока — кусок обожжённого красного кирпича со стёсанными рёбрами и отверстием под верёвку; отверстие пробивали, как правило, серпом.

Мотня' – сетка для невода.

Мочало – верёвка, сделанная из липового лыка.

Сеть – рыболовная снасть длиной 14-15 м с различной ячейкой.

Мерёжка – что и сеть, но короче в два раза.

Реж – *сеть* с ячейкой примерно 100 мм из суровых ниток; применялся при изготовлении *сетей* и *мерёжек*.

Дудка — поплавок из скатанной в рулон бересты; применялась при изготовлении *сетей* и *мерёжек*.

Катыш – груз для *сетей* и *мерёжек* в виде шаров из обожжённой глины с отверстием под верёвку.

Пяток,

пятки' – сетчатое полотно для изготовления рыболовных снастей.

Сак — круглая, изготовленная из двух *лучков* рыболовная снасть с мелкой ячейкой, крепящаяся на длинном шесте.

Колот,

колотя' — вид ловли рыбы *сетями* с *челна* двумя рыбаками.

Тоня' — цикл ловли рыбы неводом или воротницей; также — площадь озера, проловленная за один раз.

Чащёвая — промежуток времени у рыбаков между 14 августа и до ледостава.

Насаживать

сети – изготовлять новые рыболовные сети.

Приспособления и инвентарь для рыбной ловли

Подъёмная — длинный шест с блоком наверху для вывешивания для просушки *кутца* невода; всегда было три *подъёмных*.

Coxa — деревянный шест с рядом сучковкрючков для вывешивания *сетей* для просушки.

Со́шка – длинная палка с сучком- крючком на конце для вывешивания *сетей* на *сохи*.

Тычка – шест для перемещения лодки на воде с деревянной насадкой на конце, чтобы не проваливался в ил.

Кол — то же, что и *тычка*, но заострённый на конце; применялся для заякоривания лодки на воде.

Калёва — то же, что и *кол*, но предназначена для установки *верень*, *крылён* или *стуликов*.

Бото — шест с деревянным раструбом на конце; с 60-х годов XX века стали изготовлять раструб из алюминиевого литья.

Ботать — загонять рыбу в сети, ударяя раструбом *бота* по воде.

Вилка — шест с рогулиной на конце примерно под углом 90 градусов к шесту; изготовлялась всегда из одного куска дерева, для чего его срубали вместе с подходящими по углу корнями; использовалась при ловле чащёвым неводом для удержания нижней верёвки у дна.

Вилка — шест с рогулиной на конце вдоль шеста; использовалась для проталкивания *прута* при ловле зимним неводом.

Прут – длинный гибкий шест (длиной до 15 метров), стёсанный с одной стороны; применялся для ловли зимним неводом.

Лямка – приспособление в виде петли, которое надевалось через плечо с чебурком для быстрого крепления к верёвке зимнего невода при его вытягивании.

Чебурок – шарообразный предмет, выполненный из *капа* (нарост на берёзе) с отверстием под сыромятный ремень, которым *чебурок* крепился к лямке.

Чищалка — шест, на конце которого укреплялось кольцо из ивового прута, обтянутого сеткой с мелкой ячейкой; использовалась при удалении льда из лунок при ловле зимним неводом, а также весной при заготовке лывы.

Крюк – деревянное устройство синусоидальной формы, изготовляемое из двух связанных друг с другом *дуг*; крюк использовался для направления *прута* при ловле зимним неводом.

Шест – длинная палка с утолщением на конце, загнутым как лыжа, и с выемкой под верёвку; использовался при ловле мерёжской или сетью на два конца.

Лямочники – рыбаки с лямками.

Пешня' — деревянная палка с кованой пикой на конце для раскалывания льда.

Пешельники – рыбаки с пешнями.

Пешня – специальная печь для сушки вандыша.

Забенька (иногла

пестёрка) — короб из бересты куда рыбаки складывали свой завтрак и рыбу.

Котёл — ёмкость для варки ухи на костре; у рыбаков — всегда литой из чугуна.

Сторожка – избушка в месте установки орудий лова зимой.

Пришвица – палочка, используемая при вязке пятков.

На палец – размер ячейки по нитке при вязке *сетей*, равный приблизительно 1,1 см.

На два пальца

слабо – размер ячейки по нитке при вязке *сетей*, равный приблизительно 2,2 см.

На три пальца

слабо – размер ячейки по нитке при вязке *сетей*, равный приблизительно 3,3 см.

На два пальца

туго – размер ячейки по нитке при вязке *сетей*, равный приблизительно 2 см.

На три пальца

туго – размер ячейки по нитке при вязке *сетей*, равный приблизительно 3 см.

Корьё

елоховое — кора ольхи для покраски *сетей* для их лучшей водостойкости; для прочности краски добавляли древесную золу.

Слабь - верёвка, за которую тянут невод

Полотенце – *пятки*, из которых изготовляли среднюю стенку сетей или *мерёжек*.

Дель – сеточное полотно или нитки фабричного изготовления.

Подспуск – прорубь для спуска зимнего невода.

Матишная или

вытаск – прорубь для вытаскивания зимнего невода.

Выманье — средняя из прорубей от *подспуска*; их было всегда по 5 — справа и слева от *подспуска*.

Ушка – крайняя прорубь от подспуска.

Бережное ухо – крайняя прорубь от матишной.

Воротило - шест с крючком на конце, применяемый

для ловли зимним неводом.

Жердник – рыбак, протаскивающий под льдом прут

при ловле зимним неводом.

Задавальшики – рыбаки, спускающие невод в подспуск.

Саковик - рыбак, морозящий рыбу при ловле

зимним неводом.

Ужица – верёвка, на которую насаживают невод.

<u>Слова и выражения, употребляемые в быту</u> <u>жителями Рыбной слободы</u>

Аномнясь – изменённое «намедни».

Бабка – свая, опора для плота.

Буня, буни – старая одежда (телогрейки, пальто,

брюки, кофты и т.п.).

Батька - муж, глава семьи.

Бельё ветреет – сохнет на улице.

Баретки – сандалии, туфли.

Валёк — 1) рифлёная с одной стороны в виде поперечных волн доска с ручкой; обратная сторона иногда украшалась резьбой; применялся для глажки

белья совместно с катком; 2) ленивый

человек, лодырь.

Вандыш – сушёная в *пешне* рыба (галичский ёрш) по специальной технологии.

Верея - столб для навешивания ворот.

В задниках – т.е. за домом, в огороде.

Варя – общая рыба, которую рыбаки продавали, как правило, за водку.

Ворызгает,

ворызгают – плещется рыба при нересте.

Ветошь – прошлогодняя осока в воде.

Вот перешва так

перешва – по отношению к человеку, который говорит или делает дело «поперёк»,

поперечный человек.

Взять под

крендель - взять рядом идущего под руку.

Взлягивать – 1) быстро идти, что то среднее между

ходьбой и бегом;

2) ухаживать; например, Вася-то, дед-

то, как за Манькой-то Зоиной

взлягивает!

В один хлоп – т.е. одновременно, например, выйти

из избы нескольким людям.

Гатить – приводить в порядок огуречник после

весеннего ледохода.

Глетчий – человек, подбирающий рыбу,

выпавшую из крыльев невода при ловле рыбы зимой; *глетчий* подбирал

рыбу, накалывая её на вилку,

привязанную к палке.

Гольтепа – бездельники, ленивые люди.

Галичское

морце – Галичское озеро на жаргоне рыбаков.

Горница – самая большая комната в доме

рыбака.

Грохот – большое сито с двумя длинными дугообразными ручками для промывки рыбы с плота при её первичной обработке.

Голик – последняя стадия веника; веник из голых прутьев, без листьев.

Дуда – остатки от тростника, стрелолиста, городка после ледохода на озере.

Давече, давеча – совсем недавно, вчера.

Дратва – толстые нитки из льняного волокна

для пошива сапог или починки

валенок

Дух вольный - экологически чистый воздух,

легко дышится.

Дресва – природный камень, раскалённый в

печи, затем быстро охлаждённый и

разбитый до размера

крупнозернистого песка; *дресва* применялась для натирки полов.

•

Елоха – ольха.

Есный – богатый.

Жараток – левый передний угол в пешне, куда

сгребали горячие угли при

подготовке пода пешни к садке рыбы.

Зауве́я – падающая тень от солнца, затенённое

место в огороде.

Залавок - кухонный столик у русской печи.

Закрывало - передник.

Кабан – глыба льда примерно в 1 м³ для

ледника – хранилища рыбы.

Каток — деревянная палка диаметром 70-80 мм и длиной около 1 метра; применялся для глажки белья совместно с *вальком*.

Костыль – водное растение, стрелолист.

Конура,

конурка – 1) собачья будка;

2) маленький чулан в холодных сенях.

Кошель — сетчатый мешок с сеном, который вешали у морды лошади.

Колобушка – булочка.

Куделя – льняное волокно для прядения *дратвы*.

Кутьник – полка в бане, где парились.

Лава – длинная, широкая и толстая доска, связывающая плот с берегом.

Лепак – небольшой лещ.

Лавка – 1) скамейка в рыбацкой избе;

2) магазин, ларёк, торговая точка.

Лыва – черная земля для выращивания огурцов, добываемая со дна озера.

Лунка – круглое (в плане) сооружение из навоза для выращивания огурцов.

Матка — жена, хранительница семейного очага.

Мутовка – палочка ёлки или сосны с сучками для взбивания, например, сливок.

Мищий,

мищая – нищий (нищая); человек, собирающий милостыню.

Молить калачи – обряд перед началом чащёвой.

Не канут – не текут; например, сапоги, калоши.

Ноша — тонкая верёвка с петлей на конце; применялась для переноски сена, свежескошенной травы.

На вону – на озере, на открытом месте.

Наслуда — выжатая льдом вода из озера, вновь замёрзшая на его поверхности.

Норост – нерест рыбы.

Ненаший,

леший – самые ругательные слова у рыбаков до середины XX века.

Образ – православная икона.

Обтоки – штанины у кальсон, у трусов.

Обдергайка – короткая, не по размерам хозяина, куртка или телогрейка.

Остожье - остатки сена от стога по весне.

Обсусолился — неряшливо выглядит, после еды остатки пищи на губах, на бороде.

Причерёженные

лодки – лодки, привязанные у плота.

Приженец – пирожок с начинкой.

Плот – место, где происходила первичная обработка рыбы в *чащёвую*.

Примываться – делать уборку в доме, мыть полы.

Печурка – полочка над *шестком* русской печи.

Печурка или

горнушка – небольшая ниша в стенке русской

печи, в которой сушили варежки и

носки.

Пожня – заливной луг.

Патрашка – кладбище.

Половик - как правило, домотканая дорожка

или коврик, который стлали на пол.

Подымало,

подымалка - металлическая лопатка, которой

переворачивали вандыш в пешне.

Помело – метла для подметания пода пешни

при изготовлении вандыша.

Рогозка – часть изгороди из тростника.

Рыбёнка – так в Рыбной слободе называли рыбу.

Рунится – с наступлением холодов рыба

собирается (рунится) в стаи и уходит

на глубину.

Рассусоливать - говорить попусту.

Рядиться - в артель, в бригаду - наниматься на

работу на конкурсной основе.

Ситник – корешки озёрной травы (городка),

используемые весной в пищу.

Сашить - ловить рыбу сетью, мерёжкой.

Селёдок – щурёнок, маленькая щука.

Садка рыбы – загрузка сырой рыбы в пешню.

Стоять в кути – т. е. у входа, у входной двери;

например: «Что хоть в кути-то стоишь, в дом-то проходи!»

Скутывать - баню, печь - закрывать задвижки у

печи с ещё тлеющими углями.

Сукряная рыба – рыба с икрой.

Тябло – полочка под иконы в красном углу

дома.

Треста – озёрный тростник.

Тростеник – 3-4 ёлки или можжевельника,

связанные между собой вершинами; применялся при ловле рыбы *саком*.

Тем же местом

(концом) – «С праздником тебя!»; например:

«Спасибо, ангел, и тебя тем же

местом (концом)!»

Ужо – т.е. вечером, в ближайшее время;

например: «Есть-то ужо будем».

Угода – участок водной акватории с куском

берега, где устанавливались крылёны,

тростеники или сети.

Укуюхтался,

(укуюхталась) – тепло оделся (оделась); иногда –

оделся (оделась) небрежно.

Унадысь – вчера; чаще употребляли – давеча.

Хлебать - есть уху, суп.

Хлябать.

хлябают – в выражениях: бабка хлябает, т.е.

качается; туфли хлябают, т.е. велики

по размеру.

Харя - лицо.

Хватит лячкать - т. е. говорить попусту.

Хрушкая –	крупная.
Хилок –	холодный резкий ветер (зимой с морозом).
Фараония, фараоны –	общее галичское прозвище Рыбной слободы и её жителей.
Чело или роток –	отверстие в русской печи или в <i>пешне</i> .
Чехмарь –	деревянная кувалда.
Чумичка –	маленькая миска, чашка.
Черн –	ручка у лопаты.
Чувяки –	тапки.
Шешук –	небольшой окунь.
Шесток –	площадка перед <i>челом</i> у <i>пешни</i> или русской печи.

Составил Н.В.Сотников 25.01.01, г. Галич, Рыбная слобода.

Содержание	стр.
От автора	3
История рыболовства и Рыбной слободы в Галиче	6
Рыбная слобода в конце XVIII начале XX веков	11
Общественная жизнь в Рыбной слободе в конце XIX начале XX веков	17
Дом и быт жителей Рыбной слободы	26
Религия в Рыбной слободе в конце XIX начале XX веков	37
Воспоминания жителей Рыбной слободы о святой Верушке	42
Религия в семьях рыбаков Рыбной слободы в конце XIX начале XX веков	58
Праздники и забавы в Рыбной слободе с конца XIX до середины XX веков	62
Организация и способы лова рыбы в Галичском озере с конца XVIII до середины XX веков	79
Способы лова рыбы. Весенний лов	86
Весенняя пауза в рыбной ловле в Рыбной слободе	90
Летний лов	93
Летняя пауза в рыбной ловле в Рыбной слободе	94
Изготовление вандыша	99
Зимний лов	104
История организации рыболовецкого колхоза в Рыбной слободе	105
	105
Список используемой литературы	133
Приложение I: Рыбацкая лодка, использовавшаяся рыбаками Рыбной слободы до 70-х годов XX века	136
Приложение II. Словарь слов и выражений, употреблявшихся в Рыбной слоболе и релко применяемых в настоящее время	137